

## **В. П. Пачулиа**

### ***Русские писатели в Абхазии***

Издательство «Алашара»

Сухуми - 1980

**В. П. Пачулиа. Русские писатели в Абхазии.** «Алашара», 1980.

В настоящей книге впервые рассказывается о пребывании многих видных русских писателей в Абхазии, о их большой любви к этому краю. В ней также раскрывается творческое сотрудничество русских писателей и поэтов с абхазскими коллегами и отражение этих взаимосвязей в их творчестве. Книга представляет собой произведение историко-очеркового плана и рассчитана на специалистов, а также на широкий круг читателей.

(с) Издательство «Алашара», 1980

88

П 21

37311-103

П \_\_\_\_\_ 80

М-623(06)-80

### **СОДЕРЖАНИЕ**

- Вианор Пачулиа и его книги... Г. Д. Гулиа 3
- Из истории русско-абхазских литературных связей 5
- Александр Бестужев-Марлинский 15
- Владимир Соллогуб 19
- Антон Чехов 22
- Максим Горький 27
- Владимир Тан-Богораз 34
- Алексей Толстой 39
- Александр Серафимович 42
- Владимир Маяковский 45
- Василий Каменский 49
- Константин Паустовский 53
- Дмитрий Фурманов 56
- Александр Фадеев 61
- Константин Федин 64
- Леонид Леонов 68
- Николай Тихонов 71
- Константин Симонов 76

- Александр Твардовский 82
- Михаил Светлов 86
- Аркадий Первенцев 88
- Леонид Ленч 91
- Евгений Евтушенко 94
- Сергей Смирнов 96
- Михаил Дудин 100

## **ВИАНОР ПАЧУЛИА И ЕГО КНИГИ**

Абхазо-русские связи — политические и культурные — имеют свою многовековую историю, но все еще недостаточно исследованы, особенно культурные. Поэтому выход в свет новой книги Вианора Пачулиа надо всячески приветствовать. Культурные связи Абхазии с Россией окрепли и упрочились с начала прошлого века. В этом смысле присоединение Абхазии к России, осуществленное владетельными абхазскими князьями, имело существенное значение: Абхазию все чаще стали посещать деятели русской культуры, они не просто любопытствовали, но оставили ряд ценных свидетельств и литературные произведения, посвященные истории и быту Абхазии. Многие из написанного ими уже известно, но многое все еще не изучено, не открыто. Скажем, очень интересные впечатления В. И. Савинова об абхазском народном театре, о скоморохах до последних лет вовсе не значились в нашем культурном обиходе. А ведь речь идет о замечательном явлении в жизни народа, об его искусстве и корнях его — глубоко народных. В своих «Достоверных рассказах об Абхазии» более чем вековой давности В. И. Савинов пишет, что скоморохи «кроме песен, рассказов и плясок ... потешают ... представлениями комедий...» Он дает описание некоторых из виденных лично им театрализованных сцен. Вианор Пачулиа является автором многих книг, посвященных как сегодняшней Абхазии, так и ее историческим памятникам. Его интерес к памятникам старины вполне закономерен: он по образованию является историком и долгие годы возглавляет организацию, призванную охранять памятники культуры нашей автономной республики. Особенно хочется выделить работы, пропагандирующие природные и иные достопримечательности Абхазии, — например, его путеводители. В этой области можно смело сказать, что он не имеет соперников.

3

В исследовании сегодняшней Абхазии Вианор Пачулиа неутомим, с одинаковой ответственностью подходит он к созданию книг, фотоальбомов (как автор текстов) и простых туристических буклетов. И нет, пожалуй, ни одной его книги, где бы не было достоверных страниц о прошлом Абхазии, об ее истории и культуре. Даже в своем вступлении к этому сборнику, посвященному довольно узкой теме культурных отношений вообще, Вианор Пачулиа дает верную ретроспективу в широком историческом плане.

Русско-абхазские литературные связи становятся еще более ощутимыми в первые

два десятилетия нынешнего века. Они по-настоящему расцветают в наше советское время. Теперь уже можно говорить о литературных взаимосвязях: произведения абхазских писателей становятся достоянием русского читателя, абхазские писатели несут свое самобытное слово своим русским друзьям. И тут, естественно, первыми хочется назвать наших литераторов Дмитрия Гулиа, Баграта Шинкуба, Ивана Папаскири... Особое значение для этих взаимоотношений имело издание на русском языке замечательного абхазского эпоса «Приключения нарта Сасрыква и его девяноста девяти братьев». Нельзя не сказать, что появление этого эпоса на столе русского читателя — подлинный вклад и литературу, обогащает ее новыми красками, красками Абхазии. Большинство из писателей, представленных в этой книге, я знал лично, а некоторые — мои друзья и друзья многих абхазских литераторов. Уже этот факт сам по себе является свидетельством прочности и особенной животворности литературных связей, крепнущих с каждым днем. Хочется думать, что Вианор Пачулиа продолжит свои исследования в этой области и обогатит наши познания новыми примерами русско-абхазских литературных связей.

**Георгий ГУЛИА**

4

## **ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АБХАЗСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ**

Связь Кавказа, в частности Абхазии, с великим северным соседом имеет тысячелетнюю давность. Еще в конце десятого века Абхазское царство устанавливает связь с Киевской Русью. Позднее Абхазия является одним из главных звеньев, связывающих Грузию с Тмутараканским княжеством и Киевской Русью. Есть сведения, что впервые русская рать у северных границ Абхазии появилась в 1017—1022 гг. под предводительством Мстислава Тмутараканского. В древнерусских летописях, начиная с XII века, встречается этноним «обезы». Как справедливо отмечают члены-корреспонденты Академии наук Грузинской ССР профессора З. В. Анчабадзе и Г. А. Дзидзария, в данной группе источников речь идет об объединенном Грузинском царстве в целом, не исключая, следовательно, из этого понятия Абхазию, роль которой в политической жизни той поры была значительной. Причем само понятие слова «обезы» исторически производно от нее. Это было не случайно. Абхазы были одними из первых среди кавказских народов, с которыми русские непосредственно общались (1). Об этом говорят также некоторые легенды и предания, отголоски которых сохранились до наших дней.

Если культурно-экономические связи Абхазии с Россией в средние века прослеживаются лишь эпизодически, то с начала XIX века после добровольного присоединения Абхазии по примеру Восточной Грузии к России картина меняется.

Присоединение Абхазии к России имело большое прогрессивное значение. Несмотря на эксплуатацию на-

1 Об этом более подробно см.: З. Анчабадзе, Г. Дзидзария. *Дружба извечная, нерушимая. Очерки из истории грузино-абхазских отношений*. Сухуми, 1976, с. 36; Г. Дзидзария. *Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции*. Сухуми, 1979, сс. 12-14.

5

рода царскими чиновниками общение с передовой русской литературой означало связь с одной из величайших культур в мире. Начиная с этого времени все прочнее становится связь нашего края с Россией. Любопытно, что уже в первом десятилетии XIX века кое-где встречаются русские надписи. Как сообщает французский лесопромышленник и путешественник Габель, в гостинице владетельного князя Абхазии, стоявшем рядом с дворцом на исторической поляне Лыхнашта, кто-то из русских сделал надпись на стене: «Кто к князю добром приедет, тот отсюда без слез не уйдет». Надо полагать, что эта надпись была сделана еще в первом десятилетии XIX века образованным русским, волею судьбы оказавшимся в услужении у владетеля.

Первым русским писателем, вступившим на абхазскую землю, был Е. П. Зайцевский, который еще в 1823 году в стихотворении «Абхазия» описал поразившую его природу.

Забуду ли тебя, страна очарований!  
Где дикой красотой пленялся юный ум,  
Где сердце силою пленительных мечтаний  
Узнало первые порывы смелых дум  
И в дань несло восторг живейших удивлений!

Волшебный кран! Приют цветов!  
Страна весны и вдохновений!

Где воздух напоен дыханием садов  
И горный ветерок жар неба прохлаждает,  
Где нега томная в тиши густых лесов  
К забвенью и мечтам так сладостно склоняет!

Где поражают робкий взор  
Кавказа ледяного зубчатые вершины,  
Потоки быстрые, леса по цепи гор,  
Аулы дикие и темные долины!

Где все беседует с восторженной душой!  
Там сладостно ночей теченье,  
Роскошны сны и тих покой!  
Там в грудь мою лились восторг и наслажденье, —  
И я дышал огнем поэзии святой!

В этом замечательном произведении, созданном поэтом пушкинского круга,

красное описание природы, но и горячее чувство любви русского человека к Абхазии и ее народу» (2).

Поэт Е. П. Зайцевский, некоторое время служивший в Сухумской крепости, возможно создал еще и другие стихи о Сухуме и Абхазии, но пока они не обнаружены.

В 1826—1836 гг. в Абхазии побывали изобретатель Павел Бестужев и его брат писатель-декабрист Александр Бестужев-Марлинский. Их переписка имеет значение для характеристики края того периода. В 1853 году по Абхазии путешествует русский прозаик Владимир Соллогуб. Абхазию посещают и другие менее известные русские писатели, которые в своих путевых очерках и заметках касаются тех или иных аспектов ее жизни.

После окончания русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. мастера русского художественного слова все чаще посещают Черноморское побережье Кавказа, в частности Абхазию. В крае в разное время побывали А. П. Чехов, А. М. Горький, Вл. Немирович-Данченко, Д. Л. Мордовцев, создавший первый русский роман на абхазскую тему «Прометеево потомство», в котором освещается история последних дней владетельного князя Абхазии. В нем писатель, как отмечает И. Еникалопов, «дал замечательную картину прошлого Абхазии, верно изобразил существовавшее там положение в начале XIX века» (3).

В первом десятилетии XX века лазурные берега Абхазии посещает Алексей Толстой и совсем юный Владимир Маяковский. В те же годы в Абхазии побывал известный русский писатель Иван Бунин, который неоднократно упоминает край в рассказе «Кавказ».

Произведения русских писателей, непосредственное общение их с передовыми людьми края имели большое значение для формирования абхазской интеллигенции и приобщения ее к передовой русской культуре с ее демократическими тенденциями. Так, первый абхазец-писатель Георгий Шервашидзе (Чачба) свои произведения создает на грузинском языке. Однако некоторые его стихи написаны по-русски. Такие деятели абхазской культуры, как С. М. Ашхацава, С. П. Басариа, С. Я. Чанба, А. М. Чочуа и другие пишут свои произведения также на русском языке.

---

2 Бгажба М. Растениеводческие ресурсы сельского хозяйства Абхазии. 1963, с. 20.

3 "Сов. Абхазия", 1964, 31 июля.

Большую роль в приобщении Абхазии к русской литературе в то время сыграли передовые учителя некоторых школ Абхазии. Так, по инициативе основоположника абхазской литературы, ученого и просветителя народа Дмитрия Иосифовича Гулиа и начальницы сухумской женской гимназии, видной деятельницы народного просвещения Абхазии Юлии Леонардовны

Болбашевской, большое внимание в гимназии уделялось не только изучению русского и иностранных языков, но и абхазского. Был организован литературный кружок, активное участие в котором принимали не только преподаватели, но и гимназистки. Литературный кружок привлек к себе общее внимание в городе Сухуми, его начали посещать учителя других школ, значительная часть интеллигенции Сухуми. Здесь выступал со своими стихами друг Блока и Есенина поэт-символист Виктор Стражев.

Печатным органом кружка был рукописный журнал «Молодые порывы», первый номер которого вышел на русском языке в 1916 году. Здесь печатались статьи в основном о деятелях русской литературы и искусства, драматические произведения, стихи, материалы на педагогические темы. В одном из номеров была помещена статья о великом русском писателе Ф. М. Достоевском. На страницах журнала часто помещались стихи о Кавказе и об Абхазии (4).

Одним из мест, где собирались и читали свои произведения русские литераторы, жившие в Абхазии в 1917—1921 гг., был театр «Алоизи» и пансион «Арзамасова», где жили Н. Н. Евреинов и другие деятели русской культуры.

В Гаграх, с момента открытия Гагрской климатической станции (1903 год), своеобразным литературным салоном становится временная гостиница и ресторан. Здесь собирались русские и местные писатели, читали свои произведения, в которых отразились нравы и обычаи абхазского народа. Невзирая на всесильного шефа великосветского курорта принца А. П. Ольденбургского, обличались безобразия, творившиеся на гагринском курорте. Правда, буржуазные писатели и журналисты на все лады расхваливали строительство нового курорта.

---

4 См.: Пачулиа В. П. *Здесь помнят Дмитрия Гулиа. Сухуми, 1974, сс. 37-38.*

8

Так, издатель «Нового времени» А. С. Суворин, неоднократно бывавший в Гаграх и обласканный принцем Ольденбургским, в своих очерках старался рекламировать великосветский курорт как лучшее место отдыха, но ни словом не обмолвился о том, могут ли провести свой отдых на этом курорте простые труженики России. Суворин поощрял тех писателей и журналистов, которые возносили дифирамбы принцу Ольденбургскому, и издавал лицемерные сочинения (5).

В начале марта 1921 года после упорной борьбы в Абхазии установилась Советская власть, а затем чуть позже она вошла в состав Советской Социалистической Грузии на правах автономной республики. За 60 лет Советской власти в Абхазии побывали многие выдающиеся советские писатели из всех республик и краев нашей необъятной Родины, особенно из России. Так, в первые же годы новой власти в Сухуме побывали Константин Паустовский, Василий Каменский, Константин Федин, Александр Фадеев, Вячеслав Шишков, Сергей Есенин, Исаак Бабель и другие, а в 1929 году Горький и Маяковский.

В 1930-х годах в Сухуме гостит целая группа русских советских писателей во главе с Михаилом Шолоховым. Встреча писателей с абхазскими собратьями по перу

состоялась в доме отдыха «Азра», ныне в здании, занимаемом Абхазским филиалом института курортологии и физиотерапии Министерства здравоохранения Грузинской ССР. В писательском разговоре принял участие Председатель ЦИК Абхазии Самсон Чанба. Со своими стихами выступили молодые поэты Леварсан Квициния и Шалва Цвижба. В 1932 году в Абхазию приехал Николай Асеев. Он встречается здесь с местными литераторами, знакомится с природными достопримечательностями края. Вдохновленный природой поэт пишет стихотворение «Абхазия», которое начинается так:

Кавказ в стихах обхаживая,  
Гляжусь в твои края,  
Советская Абхазия Красавица моя...

---

5 См.: Пачулиа В. П. Гагра. Очерки истории города и курорта. Сухуми, 1979, с. 92.

9

В это время в Новом Афоне отдыхал известный поэт и переводчик Самуил Маршак. Как вспоминают старожилы, поэт жил в доме отдыха (ныне турбаза «Псырцха»). Здесь на втором этаже в одной из келей поэт работает над своими новыми стихами. Из Нового Афона Маршак переезжает в Сухум и на несколько дней останавливается у своего знакомого врача-отоларинголога А. С. Грица. В дальнейшем Маршак неоднократно посещает Абхазию. Он близко познакомился с народным поэтом Абхазии Дмитрием Гулиа, и впоследствии перевел его детские стихи — «Про Солнце», «Про Луну», «Доктор и старик», «Родник», «Новый дом», «Дедушкин заказ», «Телескоп», «Наш офицер» и другие.

Абхазию посещают поэты Николай Тихонов, Михаил Светлов, Анатолий Софронов и другие.

В 1941 году мирный труд советских людей был нарушен нападением фашистской Германии. Десятки тысяч сынов и дочерей Абхазии ушли на фронт и сражались в рядах Советской Армии.

В 1942 году военной полосой стала и горная зона Абхазии. В горах с врагом сражались героические части Советской Армии и истребительные батальоны, сформированные в Абхазии. В этот период Абхазию посещают писатели Борис Павленко, Аркадий Первенцев и др.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны в условиях мирного времени начинается бурное хозяйственное развитие Абхазии.

Благоустраиваются города и курорты. Жители столицы на горе разбили большой парк площадью в 32 гектара. В парке было высажено около ста тысяч декоративных деревьев и кустарников, среди них гималайские кедры, гигантские туи, фейхоа, покрывающиеся в начале лета красно-белыми цветками, множество роз всевозможных оттенков и разновидностей. На вершине горы построен ресторан «Амза».

Народный поэт Абхазии Д. И. Гулиа посвящает трудящимся Сухуми, превратившим эту гору в чудесное место отдыха, стихотворение «Рождение горы». В мае 1951 года в связи с окончанием строительства парка на горе в

Сухуми, приезжает Мариетта Сергеевна Шагинян. Восторгаясь энтузиазмом сухумцев, писательница опубликовала 5 июля в газете «Известия» статью под названием «Сухумская гора».

10

Абхазия стала излюбленным местом отдыха и творчества русских, грузинских и других представителей нашей национальной литературы. Многим понравилась Агудзера, куда в разное время приезжали писатели, как Борис Горбатов, Борис Лавренев и Константин Симонов. Они общаются с абхазскими и грузинскими писателями Д. И. Гулиа, Б. В. Шинкуба, И. В. Абашидзе, Карло Каладзе, Георгием Гулиа, Иваном Тарба и другими. Это общение впоследствии вылилось в тесную дружбу, о чем свидетельствуют и многочисленные письма. Так, в письме Бориса Лавренева Ивану Тарба 9 августа 1956 года сказано: «Дорогой Иван Константинович! Получил Ваше письмо. Душевно благодарю за помощь. Надеюсь, что к годовщине покупки мною «мексиканской гасиенды», означенная покупка будет, наконец, оформлена — и я смогу купить ковбойскую рубашку и нашить на старые штаны бахрому от вышедшего в утиль ковра. Что касается моего личного появления в гасиенде, то боюсь, в этом году мне, возможно, не придется попасть в нее. Назвался редактором — прощайся с человеческой жизнью, пока не снимут с треском за какой-нибудь промах. Собственно я и купил ее (*имеется в виду Агудзерская дача. — В. П.*) больше для жены и внука...

В крайнем случае смогу поехать в Сухуми в середине октября, не раньше и то не на долгий срок.

По поводу литературных дел — присылайте, что хотите: стихи или поэму, все хорошо. Меня очень обрадовало Ваше сообщение, что над переводами поэмы с Вами работает Елисеев...

Дружески Ваш — Борис Лавренев».

В Гаграх, в Доме творчества Литфонда ГССР в разное время побывали многие видные советские писатели: Александр Фадеев, Константин Федин, Леонид Леонов, Леонид Соболев, Ольга Берггольц и многие другие. Тепло отзывается о Гаграх Роберт Рождественский:

Хочу запомнить гул прибоя,  
Оставить горы неразгаданными.  
И пусть над каждою судьбою —  
Такое солнце, как над Гаграми.

А следующие строки о море и Гаграх принадлежат Николаю Доризо:

11

Вернувшись в свою комнатку,  
Где в окнах плывут катера,  
Я море кладу под подушку  
И слышу его до утра.



Многие страницы книги Бориса Соловьева «Поэт и его подвиг» о творческом пути Александра Блока были написаны в Гаграх.

Давно облюбовал жемчужину Кавказа Евгений Евтушенко. Здесь много друзей у поэта, поклонников его таланта.

В Гагра работали над своими произведениями русские советские писатели Михаил Дудин, Сергей Баруздин, Виктор Астафьев, Николай Асанов, Гарольд Регистан, Георгий Кублицкий и др.

Анатолий Чивилихин много раз бывал в Абхазии, где он переводит стихи абхазских поэтов Дмитрия Гулиа и других. Одно из лучших послевоенных стихотворений поэта Чивилихина считается «Горная речка». Это стихотворение посвящено горной речке в Абхазии, где выражена глубокая мысль человека, любившего природу Абхазии:

Я глянул вниз. Блестя, на дне ущелья  
Змеился речки узкий поясок.  
Тысячелетья, будто с ясной целью —  
Плечо горы рассечь наискосок —  
Трудилась речка...  
И вот смотри, что сделала она.  
Стоит гора, унижена в гордыне,  
Как будто бы рассечена мечом.  
Красе ущелья мы дивимся ныне.  
А речка, будто вовсе ни при чем,  
Течет себе, так кончив спор с горою,  
Как не могли бы ни порох, ни тротил,  
Как труженик не верит сам порою,  
Что он за век свой горы своротил,  
Ущелью дали имя. Словно в сказке,  
В полдневный час оно открылось нам.  
Скажи мне, друг, как будет по-абхазски «  
Настойчивость» — я речке имя дам.

Много сделал для перевода абхазских поэтов на русский язык известная поэтесса Маргарита Алигер. За по-

12

следние 13 лет Маргарита Алигер тоже облюбовала село Гульрипш и ее приморский уголок Агудзера. На наш вопрос, какую работу она проводила там, ответила: «...впервые я приехала в Гульрипши летом 1967 года, вместе с моими французскими друзьями, гостившими у меня в это лето, известной французской писательницы Натали Саррот и ее мужем. Жили мы с середины июля до конца августа у Евдокии Ивановны, в том доме, где постоянно живет К. М. Симонов с семьей. Я больше отдыхала, чем работала в то лето, но написала несколько лирических стихотворений, а также перевела на русский язык несколько стихотворений Карло Каладзе, в том числе стихотворение «Диоскурия»,

посвященное именно этому берегу. Натали Саррот продолжала и тут писать роман, над которым она тогда работала.

Потом я приезжала в 1974-м году, в конце августа, до конца сентября. Жила в доме у В. А. Дубровского (в доме писателя и переводчика Александра Митрофановича Дубровского, одним из первых обосновавшихся в Агудзера, бывали видные русские, грузинские и абхазские писатели Константин Симонов, Борис Лавренев, Борис Горбатов, Евгений Евтушенко и другие. — В. П.). В 1975 г. провела здесь десять дней в начале октября. В 1977 г. также приезжала на две недели, вначале сентября. Жила в доме художника Зураба Церетели (Зураб Церетели — выдающийся грузинский художник — лауреат Ленинской и Государственной премий. — В. П.). Очень рада, что сейчас в Гульрипши имеется Дом творчества. В этом году проведу здесь 24 дня — с конца августа до двадцатых чисел сентября. Делаю здесь свою текущую работу: перевожу стихи сербского поэта Стевана Раичковича и пишу предисловие к сборнику его избранных стихов, который выйдет в издательстве «Художественная литература».

За последнюю четверть века в Сухуми и Москве и в Ленинграде изданы многие произведения абхазских писателей в переводе на русский язык. Это произведения Дмитрия Гулиа, Самсона Чанба, Иуа Когониа, Михаила Лакербай, Ивана Папаскири, Баграта Шинкуба, Ивана Тарба, Алексея Ласуриа, Алексея Джонуа, Шалвы Цвижба, Алексея Гогоуа, Мушни Ласуриа, Нелли Тарба, Константина Ломиа, Георгия Гублиа, Шалоди Аджинджала, Джумы Ахуба, Платона Бебиа, Виталия

13

Амаршан и других в переводах русских поэтов и писателей Николая Тихонова, Константина Симонова, Самуила Маршака, Михаила Светлова, Владимира Луговского, Александра Межирова, Риммы Казаковой, Гарольда Регистана и др. В то же время большой размах получило издание русских писателей в переводе на абхазский язык. Вышли отдельные издания произведений русских классиков, такие, как «Воскресение», «Хаджи Мурат» Л. Н. Толстого, «Евгений Онегин», «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Рождение человека» А. М. Горького и другие в переводах Дмитрия Гулиа, Мушни Хашба, Мушни Ласуриа, Ясона Чочуа и др. Произведения русских советских писателей В. В. Маяковского, Константина Паустовского, Константина Федина, Николая Тихонова, Константина Симонова и других на абхазском языке были переведены Багратом Шинкуба, Иваном Тарба, Константином Ломиа, Николаем Квициния и многими другими. Научные и публицистические статьи, связанные с пребыванием русских писателей в Абхазии, опубликованы Х. С. Бгажба, М. Г. Ладария, Б. Г. Тарба, Б. А. Гургулиа, И. И. Квициния, С. Л. Зухба, Ш. Х. Салакая, А. А. Папаскири и другими. Творчество талантливого русского поэта и критика Виктора Стражева, долгие годы жившего и работавшего в Абхазии, исследует молодой поэт и литературовед Станислав Лакоба.

Именами классиков русской литературы в Абхазии названы школы, улицы и разные заведения.

## А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

В середине 30-х годов XIX века Абхазию впервые посетил известный русский писатель-декабрист А. А. Бестужев, печатавшийся под псевдонимом «Марлинский». Он, по образному выражению Белинского, «ярким метеором» пролетел по русской литературе, являлся одним из зачинателей и наиболее видным представителем русской романтической прозы 20—30-х годов». Кавказ был местом ссылки писателя. Здесь он служил простым солдатом и только незадолго до смерти его произвели в прапорщики. По делам военной службы ему не раз приходилось бывать в Сухуме. В то время это был небольшой, неблагоустроенный городок. Хотя в начале 30-х годов здесь уже начали развиваться торговля и городское строительство. Не одна лишь экзотическая природа Кавказа привлекала Александра Бестужева. В повестях, созданных в этот период, он рисует образы гордых людей, наделенных бурными страстями и исключительной храбростью, насыщает повести романтическими легендами, яркими подробностями быта («Аммалат-Бек», 1832 г.; «Мулла-Нур», 1836 г.). 4 июня 1835 года рядовой А. А. Бестужев получил унтер-офицерский чин с переводом из гарнизона в один из Черноморских линейных батальонов, находящихся в экспедициях против горцев, а спустя почти год, 3 мая 1836 года, за отличие в сражениях он был произведен в прапорщики. В тот же день писатель из Геленджика был переведен в Гагрскую крепость, где в невероятно трудных условиях прослужил почти пять месяцев.

В письмах его из Абхазии читаем: «Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор, туда не влетает ветер, жара там от раскаленных скал нестерпима и, к довершению удовольствий, ручей пересыхает и обращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех сторон в окошки, где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона... Там стоит Пятый Черноморский батальон, который не

15

иначе мажет сообщаться с другими местами, как морем и, не имея пяди земли для выгонов, круглый год питается гнилью солонины. Одним словом, имя Гагры... однозначнее со смертным приговором». Декабрист называет Гагра «гробом для русского гарнизона».

Хорошо знакомый с Черноморским побережьем Кавказа А. А. Бестужев сопровождал на фрегате «Бургас» известного путешественника и ученого, профессора Одесского лицея Александра Нордмана. В пути Бестужев помогал ему фиксировать исторические и архитектурные памятники, рассказывал много интересного из области истории и этнографии адыгов, абхазов, грузин и других народов Кавказа.

Тогда в Сухуми кроме гарнизона, который дислоцировался в крепости, нельзя было насчитать и сотни жителей. Город представлял базар, где было сосредоточено около 20 грязных духанов и нескольких более или менее

приличных домов, расположенных к востоку от крепости. Один из них был двухэтажным, это был постоялый двор (ныне жилой дом по улице Гулиа № 2). Здесь обычно останавливались путешественники и офицеры; надо полагать, что А. Нордман и А. А. Бестужев тоже ночевали в этом доме.

А. А. Бестужев неоднократно бывал и в других местах Абхазии: в Пицунде, Бомборах, в ущелье раки Кодор и в других местах. В одном из писем от 12 мая 1837 года, адресованном к К. П. Полевому, писатель-декабрист сообщал: «Вот уже три недели, как я шляюсь по новому для меня краю Мингрелии, Абхазии и новому для русских вообще краю Цебельде. Виды — прелесть, но люди... бедны, как нельзя более: в крае роскошном дарами природы...».

3 июня 1837 года русский десант из 17 кораблей вышел из Сухумской бухты в открытое море и взял курс на Адлер. Александр Бестужев в качестве офицера находился на корабле «Анна». Для отряда десантников он написал следующие строки:

Эй, вы, гой еси, кавказцы-молодцы  
Удальцы, государевы стрельцы!  
Посмотрите, Адлер мыс недалеко,  
Нам его забрать славно и легко.  
Каждый гоголем встряхнись, встрепенись,  
Осмотри оружие, да в шляпочки садись...

16

В теплый солнечный июньский день наблюдал А. А. Бестужев с борта корабля изумительные берега Абхазии, а 7 июня уже участвовал в передовой десантном цепи, которой командовал лицейский друг Пушкина генерал В. Г. Вальховский. В этой операции Александр Бестужев погиб смертью храбрых. Тело писателя не было найдено, поэтому о судьбе Марлинского распространились самые фантастические слухи: иные рассказывали, что он ушел к горцам и его, якобы, видели в папаше абрека на белом коне среди воинственных шапсугов (одно из племен, обитавших в окрестностях Адлера и Гагра). Другие уверяли, что А. А. Бестужев перешел по ту сторону Кавказского хребта, живет в Лезгисгане, женился и часто «в тайне от наших пленных (*имеется в виду русских солдат и офицеров, находившихся в плену у горцев. — В. П.*) выкупает их на свободу». Позднее пошел слух, что предводитель горцев имам Шамиль — не кто иной, как сам А. А. Бестужев. Конечно, все эти слухи не имели под собой реальной почвы. Александр Бестужев погиб в окрестностях Адлера, там, где сейчас вырос курортный городок Адлер.

А. А. Бестужев недолго пробыл на Черноморском побережье Кавказа, но оставил глубокий след. Передовая интеллигенция Кавказа XIX века с большим уважением относилась к памяти выдающегося писателя, мыслителя и борца. Так, в 1888 году один из образованных кавказцев под псевдонимом «Старожил», давая анализ творчества А. А. Бестужева, отмечал: «Первыми рьяными популяризаторами Кавказа в русском обществе нужно признать Пушкина и в особенности Марлинского, любимейшего писателя своего времени. Под псевдонимом Марлинского, как известно, скрывался декабрист А. А. Бестужев, разжалованный

и сосланный на Кавказ. Здесь его романтическая жилка сильно зазвучала среди поэтической обстановки, и он посвятил кавказской природе и кавказцам (горцам) лучшие свои произведения. Не перечисляя разных мелких его путевых заметок и рассказов, упомянем лишь две повести, создавшие ему славу, как первого в то время романиста, «Аммалат-Бек» и «Мулла-Нур». В этих произведениях писатель выражает взгляд гуманного и образованного современника на наши кавказские дела того времени.

17

Имя А. Бестужева-Марлинского в советское время почитается в нашей стране. Его произведения переведены на абхазский язык, имя писателя-декабриста носит одна из улиц курорта Гагра. В настоящее время Абхазский отдел Главного управления охраны использования памятников истории, культуры и природы Министерства культуры Грузинской ССР собирает материалы для создания диорамы, которая воссоздаст обстановку времен службы А. А. Бестужева. Ее предполагается установить в северном бастионе Гагрской крепости Абаата.

18

### **ВЛАДИМИР СОЛЛОГУБ**

Известный русский писатель XIX века, автор повести «Тарантас» В. А. Соллогуб волею судьбы в результате непогоды — шторма — вынужден был сойти с корабля и оказаться на абхазской земле. Первый населенный пункт, который посетил писатель, был Сухум. В своих путевых заметках он отмечает, что это «еще не город, но непременно будет значительным городом, когда все начатое приведет к исполнению..., когда вредные для здоровья папоротники истребятся, когда болота высушатся и проведут каналы и дороги получат надлежащее устройство». Далее он пишет, что Сухум «состоит из трех частей, между которыми находятся пустыри. В одной из них — у берега моря — каменная стена крепости, возле нее базар с турецкими лавками; в другой — небольшие домики жителей, таможня и карантин; в третьей — вдали от берега, на бугре — больница и казармы. К этому холму ведет большая улица, на которой уже построено несколько казенных зданий».

По словам того же автора, главным недостатком в то время в Сухуме был нездоровый климат, от которого страдали почти все его жители. Хинин был первой потребностью горожан. Они складывались по 10—12 человек и выписывали его из Одессы. «Вечерами, — по его словам, — на сухумских пустырях поднимался вой рыскающих шакалов (чекалок); вой этот похож на плач и вопли истерзанных детей. Ему вторят со всех сторон и на все голоса встревоженные собаки. Таким образом, каждый вечер и каждую ночь устраивается такая звериная опера, раздаются такие уныло раздирающие хоры, что не знаешь, куда бы от них спрятаться» (1).

Автор очерков прав, так как в Сухуме, в момент посещения писателя в 1853 году имелось лишь два маленьких завода, один трактир, одна кофейня, 26 «питейных

домов» и 37 лавок. Домов было 11 каменных (из них 7 казенных) и 106 турлучных (плетенных мазанок). Но

---

1 Соллогуб В. А. Собр. соч., т. V. СПб., 1855, с. 320.

19

к этому времени в Сухуме были начаты значительны работы по благоустройству города. Так, согласно разработанному плану, в Сухуме намечалось строительство жилых и административных зданий, в том числе создание первогоклассного порта. Но то, что успела сделать местная администрация, вскоре разрушили турки, захватившие Сухум во время Крымской войны в 1853-1856 гг.

Из Сухума в сопровождении нескольких человек Соллогуб направляется в Тифлис, делая остановки в абхазских селах Адзюбжа и Тамыш.

Согласно описанию дорога до Очамчир стелилась по морскому берегу, и путники на лошадях продвигались по глубокому песку. На третий день часам к одиннадцати Соллогуб и его спутники с трудом прибыли в большое местечко Очамчири, со значительным базаром, где «на довольно просторной площади возвышается не совсем оконченный еще дом владетеля, построенный из каштанового дерева. У нас, — пишет Соллогуб, — из каштана делаются табакерки, а здесь строятся дворцы. Широкий балкон в турецком вкусе, изукрашенный кружевной резьбой, занимает уступами весь фасад здания, а с боку к нему примыкает наружная лестница. Здесь предполагается зимнее пребывание владетеля. Летом он, обыкновенно, живет недалеко от Бомбор в Соук-су, в живописном ущелье» (имеется в виду центр села Лыхны, где находился каменный дворец владетельных князей Абхазии Чачба (Шервашидзе).

В. А. Соллогуб был знаком с абхазским владетельным князем Михаилом (Хамутбеем) Чачба-Шервашидзе, и тот принял писателя и его спутников со «свойственным ему радушием», угостил роскошным завтраком и предложил отдохнуть и переночевать.

На следующий день писатель покинул гостеприимный дом владетеля в Очамчирах и направился на юг. Это было 29 октября 1853 года: «...утро было ясное, но морозное. Сверкающий иней блестел на зеленой траве бриллиантовой сетью. Слева по всему горизонту рисовалась огромным полукруглым амфитеатром исполинская цепь гор, и белые вершины ярко вырезывались на голубом небе. Впереди нас, по вдавшемуся вправо полукружью красовались на турецком берегу Таврские горы, соединяющиеся Сурамским хребтом с Кавказскими

20

гигантами. Никогда не видел я ничего поразительнее и величественнее этой рельефной громадной карты. Какое-то благоговейное и торжественное чувство овладевает душой при виде подобных картин. Величие бурного моря прекрасно согласовалось с величием Кавказской природы» (2).

Покидая пределы Абхазии, восторгаясь ее пейзажами и гостеприимством народа,

писатель воскликнул: «О, если когда-нибудь в другой раз судьба приведет меня в этот чудный край, которого я видел только берег, и то через дождливую пелену, а приеду не с тем, чтобы торопиться с отъездом, а с тем, чтобы... побывать и в Бедии, и в Илори, и в других храмах, которыми так богата Абхазия и в чудных ее ущельях и горах, я прислушаюсь к народным поверьям, где язычество смешивается с христианским учением... Тогда я вам предоставлю не беглый путевой очерк, а целую картину страны, которой нет подобной в Европе...» (3). К сожалению, Владимиру Соллогубу не удалось осуществить своего желания посетить вновь Абхазию. Но и то, что он написал в виде путевых очерков, представляет немалый интерес для историков, этнографов и вообще интересующимся Абхазией в прошлом.

---

2 Соллогуб В. А. Указ. соч., с. 342.

3 Там же.

21

## **АНТОН ЧЕХОВ**

В июле 1883 года на пароходе «Дир» из Феодосии в Новый Афон прибыл молодой, но уже известный писатель А. П. Чехов. В Новом Афоне он подробно ознакомился с историко-природными памятниками, поднялся на Иверскую гору, где некогда была цитадель стольного города Абхазии — Анакопии. Восхищаясь панорамой, открывающейся с Иверской горы, — окрестными абхазскими селами, Бзыбским хребтом, морской далью и руинами, обвитыми плющом, Чехов сказал: «Кто был в Новом Афоне и не поднялся на Иверскую гору, этот человек подобен тому, кто был в Риме и не видел в Ватикане Римского папу».

К моменту посещения Чехова Новый Афон стал крупнейшим религиозным центром на Черноморском побережье Кавказа. Новоафонские монахи усердно старались выполнять возложенные на них царским правительством миссионерские обязанности. В частности, они построили школу для подготовки из абхазских детей служителей церкви. Строительство монастыря, начатое в 1883 году, еще не было закончено, а он уже превратился в богатое хозяйство с огромными земельными угодьями.

А. П. Чехов в сопровождении монаха-проводника осмотрел хозяйство монастыря, маслиновую рощу, пасеку, фруктовый сад. Особый интерес вызвала у него монастырская школа, где в то время обучалось 20 абхазских детей-сирот. Чехов расспрашивал учителей, как учатся дети-сироты, не трудно ли им осваивать русский язык. Учитель-абхазец, говоривший хорошо по-русски, ответил: «Вначале и я не знал русского языка, но сейчас, как видите, могу изъясняться с таким писателем, как Вы. Со временем все дети, учащиеся в этой школе, благодаря хорошей постановке преподавания русского языка, могут так же свободно говорить по-русски». Школьники с большим интересом слушали беседу Чехо-

22

ва с учителем (1). Свое отношение к благородному делу просвещения Чехов выразил следующими словами: «Люди, покоряющие Кавказ любовью и просветительным подвигом, достойны большой чести, чем мы на самом деле им воздаем». Затем Чехов поднялся на второй этаж нового школьного здания в резиденцию сухумо-абхазского епископа Геннадия, о котором монахи Новоафонского монастыря рассказывали разные легенды, сравнивая его с библейским проповедником. Епископ был весьма словоохотлив, рассказывал писателю о своей деятельности. «На Афоне, — писал Чехов 25 июля 1888 года, — познакомился с архиереем Геннадием. Епископ он сухумский, ездивший по епархии верхом на лошади» (2).

Антон Павлович переночевал в монастырской гостинице, предназначенной для «чистой публики» (ныне это один из корпусов санатория «Абхазия»). Об этом он в письме издателю «Нового времени» А. С. Суворину писал: «Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон».

В Новом Афоне, который произвел большое впечатление на писателя, он побывал еще дважды и неоднократно упоминал о нем в письмах и литературных произведениях.

Прибыв в Сухум, Чехов остановился на набережной в гостинице «Ялта». Этот окружной город с населением в 1 277 жителей еще носил на себе следы разорения русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (3).

В Сухуме Чехов подробно ознакомился с городом и его окрестностями. Об этом можно судить по его письмам. В письме А. С. Суворину Чехов пишет: «Сегодня с утра сажу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново-сказочно... и поэтично. Эвка-

---

*1 Эти подробности были записаны автором этих строк в 1957 г. со слов глубокого старца, бывшего монаха Новоафонского монастыря, по указанию сопровождавшего Чехова по Новому Афону и его окрестностям в роли гида. Этот монах принимал участие в составлении летописи монастыря, которую автору удалось впоследствии найти и передать Абхазскому институту языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР.*

*2 Зайцев Б. Чехов. Литературная биография. Нью-Йорк, 1954, с. 84.*

*3 Вейденбаум Е. — Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888, с. 364.*

липты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное горы и горы без конца и краю... Сажу я сейчас на балконе, а мимо прохаживаются абхазцы в костюмах маскарадных капуцинов, через дорогу — бульвар с маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваром темно-синее море... Если бы я пожил в Абхазии хоть месяц, то думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. Подлец я за то, что не умею рисовать» (4). Чехов всего несколько дней пробыл в Сухуми, но за это время он сумел хорошо изучить жизнь горожан. Впечатления его легли в основу повести «Дуэль», действие которой происходит в Сухуме и его окрестностях. Немало страниц в ней



посвящено природе края. Устами одного из персонажей этой повести Чехов говорит: «По-моему великолепно Кавказ и края нет!».

С любовью отзывается писатель о честном, гостеприимном абхазском народе. Он с восторгом пишет о его нравах и обычаях. Восхищаясь его песнями, он пишет: «Немного погодя сидевшие в кружок тихо запели что-то протяжное, мелодичное, похожее на великопостную песню». Абхазцев он упоминает в повести неоднократно. Название южного приморского городка, в котором происходит действие повести, ни разу не упоминается, но читателю, знакомому с расположением и историей Сухуми, нетрудно догадаться, что это именно Сухуми, а не другое место Черноморского побережья. Городок имел лазарет, где служили два врача; небольшие торговые лавки и духаны были расположены вдоль набережной, где обычно прогуливались горожане и военные местного гарнизона. Из-за отсутствия удобной пристани местные и иностранные грузовые корабли стояли на рейде. «В городской церкви били часы только два раза в сутки: в полдень и в полночь».

В повести Чехов создает образ епископа сухумского Геннадия, ездившего по епархии верхом. Отвечая диакону, утверждавшему, что «епископ, сидевший на лошади, до чрезвычайности трогателен, простота и скромность его преисполнены библейского величия», фон Корен го-

---

4 Чехов А. П. — Собр. соч., т. 2, 1963, с. 236.

24

ворит: «Между архиереями встречаются очень хорошие и даровитые люди, жаль только, что у многих из них есть слабость — воображать себя государственными мужами. Один занимается обучением, другой критикует науки. Это не их дело. Они бы чаще в консисторию заглядывали».

План «Дуэли» Чехов составил вскоре после возвращения с Кавказа, а вышла повесть в издательстве «Новое время» в конце 1891 года. Выдержав несколько изданий при жизни писателя на родине, она в переводе выходила на венгерском, датском, немецком, французском, чешском, сербском и хорватском языках. Из Абхазии Чехов выехал в Батум, а оттуда вместе с сыном А. С. Суворина — в Тифлис и через Дарьяльское ущелье направился на Северный Кавказ.

В письме А. Н. Плещееву он пишет: «О своем путешествии расскажу Вам в Питере. Буду рассказывать часа два, а описывать его на бумаге не буду, ибо описание выйдет кратко и бледно».

По приезде в город Сумы Чехов вспоминает Кавказ и его жемчужину — Абхазию. «Был я в Крыму, в Новом Афоне, в Сухуме, Батуме, Тифлисе, Баку... Впечатления до такой степени новы и резки, что все пережитое представляется мне сновиденьем, горы, горы, эвкалипты, чайные кусты, водопады, деревья, окутанные лианами как вуалью, тучки, ночующие на груди утесов-великанов, дельфины, нефтяные фонтаны, подземные огни, храм огнепоклонников и опять горы, горы...».

Зная, что Чехова сильно заинтересовал Кавказ, его друзья начали снабжать его всевозможными материалами на кавказскую тему, об этом свидетельствует письмо А. П. Чехова от 8 декабря 1888 года артисту Малого театра А. П. Ленскому,

в котором благодарит его за присланную его женой и записанную ею по просьбе писателя «Кавказскую легенду о происхождении кавказских вершин». Он заверяет Ленского, что вставит легенду «в повесть, где она послужит украшением» (5).

Спустя восемь лет Чехов вновь посетил побережье Абхазии. Эту поездку он совершил в обществе А. М. Горького и известного русского живописца А. М. Васнецова.

---

5 См.: Николай Веленгурин. *Южная соната*. Краснодар, 1979, с. 26.

25

Наконец, в третий раз Чехов был в Сухуме в последних числах мая 1900 года. По пути к берегам Черного моря он в поезде, следовавшем из Тифлиса в Батум, встретился со своей будущей женой, известной актрисой Московского художественного театра Ольгой Леонардовной Книппер (родители ее в то время проживали в г. Тифлисе). А. П. Чехов и О. Л. Книппер в Сухуми побывали на даче А. А. Остроумова, с которым Чехов на протяжении многих лет поддерживал дружеские связи и был одним из его пациентов.

В мае 1914 года исполнилось десять лет со дня смерти великого русского писателя А. П. Чехова. Во многих городах России прогрессивная общественность отмечала эту дату. Она также была отмечена в Абхазии местной интеллигенцией.

Летом 1914 года труппа петербургских актеров поставила в Гаграх пьесу Чехова «Три сестры». По этому поводу «Гагринская газета» писала: «Как и надо было ожидать, чеховский спектакль прошел с большим художественным успехом. Тщательность постановки и общий тон пьесы невольно приводят к сравнению с Художественным московским театром» (6).

Имя Чехова в советское время стало еще ближе для трудящихся Абхазии. Его произведения переводятся и изучаются на абхазском языке.

---

6 «Гагринская газета», 1914, № 294.

26

## **МАКСИМ ГОРЬКИЙ**

В 1890 году на Черноморском побережье Кавказа было начато строительство шоссе Новороссийск — Батуми. На нем трудились люди из голодающих тогда губерний России, за что эту дорогу и называли тогда «голодное шоссе».

Двадцатичетырехлетний юноша Алексей Пешков, зная о строительстве, направился в 1892 году в Абхазию морским путем, через Поты. К этому времени у Алексея Пешкова, несмотря на молодость, за плечами уже был большой жизненный опыт, испробовано много профессий, исхожено несколько тысяч верст. Осенью того же года он приехал в Сухум и, по всей вероятности, остановился в ночлежном доме Новоафонского монастыря, расположенном на городской набережной, где обычно ночевал «простой люд», направившийся в Новоафонский монастырь.

Хотя Сухум полностью еще не оправился от последствий русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и суровой зимы 1892 года, когда в результате необычно сильных морозов в городе пострадали многие экзотические деревья, но все же город привлекал своей буйной растительностью, в тени которой прохаживались первые туристы и отдыхающие. Самым оживленным был район набережной. Здесь, вдоль мощеного приморского бульвара с турецкими кофейнями, стояли двухэтажные дома. Среди них выделялся дом таможни, напротив него была железная пристань, служившая местом встреч и прогулок, как своеобразный летний клуб. «По миниатюрному приморскому бульвару, — писал в книге «Сухум-кале» инженер путей сообщения Н. Андриевский, — сухумцы доходят до его середины с маленький площадкой, на которой изредка играет музыка местного батальона, и открывается так же очень хороший вид на бухту и весь ее восточный берег, так и на горы через Кулибакинскую улицу». На этой главной городской улице было несколько гостиниц, магазинов, присутственное место, женская прогимназия, городской собор, а за ним ботанический сад. Здесь находилась кон-

27

тора строящейся шоссейной дороги, куда, очевидно, обращался с просьбой о приеме на работу Алексей Пешков.

Затем он направился в село Псырцха, где уже стоял Новоафонский монастырь, и остановился в монастырской гостинице для «простонародья». Спал он на жесткой железной кровати, без подушки и постельного белья, а днём работал в монастырском хозяйстве.

В Нсырцхе тогда было сосредоточено большое число рабочих, занятых на строительстве Новоафонского монастыря с его жилыми корпусами и церквями. В центре монастыря в нагорной части поднимался грандиозный собор, возведение которого началось в 1888 году. На работы по строительству монастыря и в обширном его хозяйстве ежедневно выходило около 300 человек. Это были в основном богомольцы, стекавшиеся со всех концов России. Платили этим «рабам божьим» очень скупо, не больше 50 коп. в день, а зимой — 30 копеек.

Вскоре Алексей Пешков нанялся чернорабочим на постройку дороги вблизи Гудаута. Об этом он упоминал позже в своем рассказе «Калинин».

Рассказ «Калинин», как сообщают составители полного собрания сочинений М. Горького в двадцати пяти томах, был написан по всей вероятности, осенью 1912 года. Об этом свидетельствует письмо Горького редактору «Современника» В. А. Ляцкому от 26 октября (8 ноября) 1912 года, в котором Горький обещает в ближайшие дни выслать рассказ «Калинин».

В рассказе отразились впечатления, относящиеся к лету 1892 года, когда А. Пешков путешествовал по Грузии и Черноморскому побережью, а также работал на строительстве Новороссийско-Батумского шоссе.

Главным героем рассказа «Калинин» является странствующий босяк Алексей Калинин. Алексей Пешков «увидел его в церкви Ново-Афонского монастыря, за всеошной. Выпрямив сухое, тонкое тело, склонив голову чуть-чуть набок, от смотрел на распятые и, шевеля тонкими губами, улыбаясь сияющей улыбочкой, казалось, беседовал со Христом, как с добрым другом. На круглом, гладком лице — без бороды, томно у оконца — с двумя светлыми кустиками в углах губ,

светилось никогда не виданное мною выражение интимности, сознания исключительной близости с сыном Божиим. Это

28

ясное отсутствие обычного — рабьего, пугливого отношения к своему богу — заинтересовало меня, и всю службу я с великим любопытством наблюдал, как человек беседует с богом, не кланяясь ему, очень редко осеняя себя вниманием креста, без слез и вздохов».

Герой рассказа выступает как знаток сказок, легенд и преданий. Он своими причудливыми рассказами настолько обворожил Алексея Пешкова, что тот проводил его до Гудаут. Спустя много лет, подготавливая первое собрание сочинений, писатель с сожалением говорит, что в рассказ «Калинин» не вошла легенда об Иисусе Христе, услышанная от Калинина. Эта оригинальная легенда была исключена из рассказа цензурой, а спустя много лет Горький уже не мог ее вспомнить.

Алексея Калинина Горький больше никогда не встречал и не знал о его дальнейшей судьбе. В этой связи вызывает интерес недавно обнаруженный нами в дореволюционной Батумской газете «Черноморский вестник» очерк «Новый Афон десять лет спустя», подписанный неким Калининым. Автор очерка пытается совершить исторический экскурс в далекое прошлое Нового Афона, иллюстрируя его легендами и преданиями, связанными с этими местами. Может быть Алексей Калинин — герой

горьковского рассказа и автор очерка «Новый Афон десять лет спустя» — одно и то же лицо? Утверждать это пока нельзя, но допустить можно. Некоторые основания для такого предположения дает текст очерка, который мы приводим. «Давно уж я не бывал в Новом Афоне. Десять лет! За это время много переменялось. Переменялся и Афон: он сильно вырос и развился. Иным стал и я. За эти десять лет мне стало известным длинное прошлое Афона. И когда я подъезжал к нему из Сухума, а из-за поворота блеснул своею белизной высокий собор в синеве затуманенных гор, в моем воображении пронесся ряд картин из интересного прошлого этого красивейшего в мире монастыря...»

Исследования могут подтвердить или опровергнуть предположение о тождестве автора этого очерка с персонажем горьковского рассказа.

Побыв около двух недель в этих местах, М. Горький снова возвратился в Сухум и оттуда отправился дальше по Абхазии. «Это было время тогда, когда деревья были

29

убраны золотом, и у их подножья лежало много опавших листьев, похожих на отсеченные ладони чьих то рук... По вершинам гор нависли тяжело, угрожая дождем дымные облака, от них ползут тени по зеленым скалам, где растет мертвое дерево самшит, а в дуплах старых буков и лип можно найти «пьяный мед». Далее писатель рассказывает, как голодающие идут на работу из Сухума в Очамчири, где они строили шоссе. Здесь, на левом берегу реки Кодор, на Адзюбжинокой стороне молодой Горький принимает новорожденного. Об этом

эпизоде он впоследствии рассказал в своем произведении «Рождение человека», где впервые прозвучали знаменитые горьковские слова: «Человек звучит гордо». В нем он писал и о нравах сухумцев, о духовном бесплодии и эгоизме технической интеллигенции, руководившей строительством дороги.

О местных жителях — абхазцах, он неоднократно говорит в своих рассказах с большой теплотой, с пониманием их нелегкой судьбы.

В 1896 году Горький снова побывал в Абхазии в обществе А. П. Чехова и известного русского живописца А. М. Васнецова. В 1903 году Горький, уже будучи знаменитым писателем, в третий раз посетил Черноморское побережье Кавказа. На пароходе из Новороссийска он прибыл в Гагры. Его пребывание совпало с открытием в Гаграх великосветского курорта. Горький остановился во временной гостинице (теперешней гостинице «Гагрипш») и сразу вступил в общение с рабочими, которых в этот период строительной горячки здесь было около трех тысяч. Но на третий день полиция, узнав в А. М. Пешкове пролетарского писателя Горького, вынудила его покинуть Гагры. Он переехал в Сухум и остановился там на некоторое время.

О пребывании Горького в Сухуме имеются лишь отрывочные сведения. Автору этих строк старожилы села Адзюбжа рассказывали, что как-то в первые годы нашего века они видели в прибрежной части села рослого русского интеллигента, который, судя по фотографиям, очень напоминал писателя Максима Горького. Эти рассказы правдоподобны, поскольку сам Горький говорил, что он позже хотел найти ту роженицу, у которой на берегу Кодора принимал ребенка. Но к 1903

30

году бараки, где жили строительные рабочие, были снесены, и след этой женщины затерялся.

В 1908—1912 гг. на Капри А. М. Горький встретился с Германом Александровичем Лопатиным, личным другом Карла Маркса, переводчиком «Капитала» на русский язык.

Спустя пять лет после встречи с А. М. Горьким в 1917 году Г. А. Лопатин посетил Сухум и целое лето гостил в доме своего племянника Б. Н. Захарова. Однажды, как сообщили автору этих строк очевидцы, Лопатин в кругу родных и друзей, в тени большого дерева, стоявшего во дворе дома, рассказал о своем пребывании в стране Гарибальди и о своих беседах с А. М. Горьким, в которых Горький неоднократно вспоминал Абхазию, ее чудесный климат и гостеприимный народ. В 1929 году А. М. Горький посещает Сочи. Оттуда он в сопровождении председателя Совнаркома Абхазии Н. А. Лакоба направился в Абхазию. В Гаграх он беседовал с отдыхающими. Затем состоялась встреча писателя с представителями города-курорта, которая завершилась дружеским ужином (1). Писатель выразил свое восхищение состоянием народного курорта Гагра. По пути из Гагра он осмотрел совхоз в Новом Афоне. 7 ноября, в сопровождении председателя ЦИК Абхазии, известного абхазского писателя С. Я. Чанба и редактора газеты «Апсны Капш» М. Л. Хашба он прибыл в Сухуми. Здесь А. М. Горький вновь встретился с Н. А. Лакоба. В беседе приняли участие и деятели абхазской культуры. Среди присутствующих был заслуженный деятель искусств

Абхазии, венгр по национальности, композитор Константин Ковач. А. М. Горький с большим интересом расспрашивал композитора о его деятельности в Абхазии, о том, как он собирает и записывает абхазские народные песни, легенды и предания. Затем он спросил: «Сами то вы хоть немного поете эти песни?» — «Мне приходится усваивать песни основательно, — ответил ему композитор, — прямо с голоса исполнителя, иначе мне было бы очень трудно что-либо правильно записать, ведь у меня нет фонографа». — «Отсутствие фонографа это не такая большая

---

1 См.: В. Пачулиа. *Гагра. Очерки истории города и курорта. Сухуми, 1979, с. 94.*

31

беда, — заметил А. М. Горький, — в том случае, если вы сами поете абхазские песни. Сами исполняя их, вы лучше усваиваете характер песни и дух народа, вложенный в содержание этих напевов».

В тот же день писатель посетил обезьяний питомник и беседовал с профессором И. М. Воскресенским об акклиматизации животных в условиях Сухума, об изучении их болезней и лечении, а также о проводимых учеными опытах над болезнями. Горькому и его спутникам — сыну с невесткой — демонстрировал обезьян и давал объяснения инструктор питомника А. С. Смирнов.

8 сентября перед гостиницей «Рица» стояла легковая автомашина председателя Совнаркома Абхазии, вокруг толпилось много людей. Сухумцы пришли провожать любимого писателя. Вскоре Горький со своими близкими в сопровождении Нестора Лакоба и Константина Ковача выехали посетить некоторые районы Абхазии. По пути Горький останавливается на левом берегу реки Кодор и осматривает новую Адзюбжинскую больницу (ныне она носит название его рассказа — «Рождение человека»).

В день, когда А. М. Горький посетил больницу, «родился мальчик и родители назвали маленького абхаза Максимом, выразив тем самым уважение к великому русскому писателю» (2).

Далее по пути Горький остановился в районном центре Очамчира. Его пригласил на обед председатель Очамчирского райисполкома, известный в прошлом революционер края Дмитрий Габуня (он снимал комнаты в доме Иллариона Кантария, который сохранился и ныне). За столом было много народа, и Очамчирский хор под руководством Платона Панцулая исполнял абхазские и грузинские застольные песни «Шардаамта» и «Мравалжамиери», а также абхазские героические, трудовые и обрядовые песни. Была исполнена также русская песня «Где бы я ни скитался».

Попрощавшись со своими абхазскими почитателями, Горький отправился в Ахал-Сенаки (ныне город Цхакая), а оттуда на поезде в Тифлис, где 37 лет тому назад великий писатель начинал свой литературный путь рас-

---

2 Нефедова Н. М. *Максим Горький. Биография писателя. Л., 1979, с. 182.*

32

сказом «Макар Чудра» и, где ждали его многие друзья и почитатели. Вскоре он вновь отправился на отдых и лечение в Италию.

Ровно через год, утром 26 ноября 1930 года А. М. Горький в Неаполитанской бухте встречает пароход «Абхазия», спущенный недавно на воду ленинградскими кораблями. В этом первом советском круизе находилось 300 ударников, которые представляли 132 предприятия страны из всех союзных республик, в том числе несколько человек из Грузинской ССР. Вместе со старейшими кадровыми рабочими, участниками октябрьских боев и гражданской войны, были комсомольцы — передовики строек пятилетки.

По воспоминаниям очевидцев, А. М. Горький во время беседы с командой теплохода выразил свое большое удовлетворение тем, что теплоход назван «Абхазией» — именем края, который он полюбил с юношеских лет. Узнав, что ударники завершат свое путешествие в Одессе, а корабль пойдет к берегам легендарной Колхиды, что теплоход будет торжественно принят у нового сухумского причала, Горький попросил передать привет жителям солнечной Абхазии и ее руководству.

А. М. Горький до конца своей жизни помнил этот благодатный край, следил за творческим ростом абхазских писателей, а 3 августа 1933 года прислал письмо творческим работникам Абхазии. В нем, в частности, говорилось: «...Займитесь изучением народной устной поэзии, собирайте и записывайте абхазские песни, сказки, легенды, описывайте древние обряды... Это много даст не только вам персонально, но и познакомит многих людей с прошлым Абхазии».

В память о посещении А. М. Горьким питомника на одном из корпусов института установлена мемориальная доска.

Многие произведения А. М. Горького в советское время переведены на абхазский язык ведущими писателями и переводчиками и изучаются в школах.

Произведения великого гуманиста проходят на гуманитарных факультетах Абхазского государственного университета, носящего его имя.

33

## **ВЛАДИМИР ТАН-БОГОРАЗ**

В 1908 году многие места Кавказа, в частности, Баку, Ереван, Тифлис, Батуми, Сочи и др., посетил народоволец, видный этнограф, беллетрист и поэт Владимир Германович Богораз (его литературный псевдоним Тан). Побывал он и в Абхазии, в Сухуме, Новом Афоне, подробно ознакомился с достопримечательностями последнего, особенно с жизнью Новоафонского монастыря.

В. Г. Тан-Богораз и сопровождавшие его лица остановились в Новом Афоне в монастырской гостинице для «чистой публики». Здесь монах-смотритель, ознакомив с порядком проживания, особо отметил, что в их гостинице останавливались многие знаменитые люди, в том числе и Антон Павлович Чехов. Тан-Богораз из книги записей Новоафонского монастыря переписал в свой блокнот следующие слова А. П. Чехова: «Люди, покоряющие Кавказ любовью и просветительным подвигом, достойны большей чести, чем мы на самом деле им воздаем».

Эти чеховские слова он вскоре привел в своих путевых очерках «На солнечном берегу». Ведь все, что было связано с Чеховым, для него особенно было дорого. Они были почти сверстниками (Богораз родился в 1864 году), детские годы обоих прошли в Таганроге. Они хорошо знали друг друга. Когда А. П. Чехов безвременно скончался, В. Г. Тан посвятил стихи памяти Чехова. Неожиданная встреча с записью, сделанной Чеховым, воскресила в его памяти многое, связанное с этим дорогим России человеком и писателем.

Среди достопримечательностей этого красивейшего уголка Кавказа особое впечатление произвела на писателя Иверская гора. «Дорога туда поднимается зигзагами, — пишет он. — На полуподъеме, под высоким деревом стоит деревянная скамья. Оттуда открывается лучший вид на монастырские владения. В воскресный полдень мы сидели на этой скамье и смотрели вниз. Под нами стлались мягкие склоны горы,

34

покрытые зелеными лугами. Там и сям стояли фруктовые деревья, мелькали монастырские школьники, сбивавшие яблоки и груши. Школьников этих двадцать. Все они абхазские сироты и, таким образом, они имеют двойное право собирать эти фрукты, растущие на поле, ибо деревья были посажены еще в домонастырские времена их собственными отцами и дедами...» (1). «...Сверкали серебристо-стальные купола шести монастырских церквей, краснели крыши монастырских строений — завода, гостинцы, каменные бараки богомольцев и рабочих. Везде виднелись кусты, белые стены, строгая зелень. Все вместе, — указывает писатель, — было как каменный город и как новое кладбище, полное мягкой грустью и суровой строительной роскошью» (2).

Затем Тан-Богораз пишет о внутреннем устройстве монастыря: «...У монастыря все свое, даже живописцы доморощенные, зато и картины аляповатые. В приемной у настоятеля висит картина «Начало Нового Афона» ... Новый Афон постное княжество. Кормят черным хлебом, подсолнечным маслом, даже дамы икают после такой пищи довольно неприлично» (3). «Бараки для рабочих помещаются дальше по берегу. Прежде всего, бросаются в глаза крепкие железные решетки, за решетками виднеются бледные лица и рваные одежды. Каюсь, с первого взгляда я подумал, что это Новоафонская тюрьма. — Что вы, — сказал обиженно старший монах, — зачем нам такая большая темница. А без решетки нельзя, к нам приходит пешая команда, наследники Максима Горького...» (4).

Эти несчастные люди в Новом Афоне выполняли самые черные, тяжелые работы, ведь они были наиболее дешевой рабочей силой. Тан-Богораз образно называет их «путники без компасов..., что год, то их больше..., голодают и не топят, не убивают и не убиваются» (5). Как рассказывал писателю один из них — на деньги, заработанные в монастыре — по 20 копеек в день, нельзя было купить даже опорки на ноги.

---

1 Тан В. Г. Соч., т. IX (очерки). На солнечном берегу. Спб., 1909. с. 235.

2 Там же, с. 236.

3 Там же.



4 Там же.

5 Там же.

35

Так описывает писатель жизнь в Новом Афоне.

Гагры же в то время превратились в великосветский курорт. Писатель ознакомился с жизнью этого курорта, вокруг которого в России и за границей была поднята большая шумиха. Интересны его сведения о курорте: «Климатическая станция в Гаграх представляла собой автономное поселение и управлялась особыми законами. В пяти верстах от курорта, в поселке Новые Гагры, поставлена даже застава для всех фургонов и дилижансов, ибо подъезжать к резиденции в дилижансах строго воспрещено. Нашу «линейку» тоже остановили и заставили нас переложить свой багаж на другую линейку, местного происхождения. Впрочем, она была похожа на нашу как две капли воды, только подушки на ней были изорваны и железные пружины торчали наружу и больно кололись. С нас взыскали заставную пошлину и пропустили далее.

Мы ехали по узкому берегу и по дороге постоянно встречали явные следы благодетельного начальственного попечения. Например, огромные плакаты: «Строго воспрещается касаться руками телеграфных проводов. Может последовать смерть». Я насчитал таких плакатов четырнадцать. И на каждом мостике с обеих сторон тоже по объявлению, еще и на трех языках, на русаком, грузинском и татарском: «Осторожно, крутой поворот, в сорока шагах мост», — как будто извозчики сами не знают. А если бы даже они и знали, так все они безграмотны и объявлений не читают...

... К слову сказать, в Абхазии на всех мостах тоже развешены надписи и непременно русские, хотя и в местной переделке: «Шала, шагами (пшала в переводе с абхазского — тихо или медленно. — В. П.). Жаль только, что мостов мало и быстрые горные раки у самого устья часто приходится почти переплывать вместе с тарантасом по сомнительному броду...

На полудороге, в имении «Отрадном» ... нам встретилась так называемая «ванная конка», в своем роде единственная на всем побережье. Она проведена на две версты, от гостиницы к морским ваннам... Кондуктор ехал с вагоном, один-одинешенек, без публики, будто по казенной надобности...

В самом поселке народу было довольно много. Все офицеры и даже генералы... Везде попадались страж-

36

ники, жандармы, казаки синие и красные, солдаты в хаке. Впрочем, три большие казенные гостиницы были наполовину пусты...» (6).

Здание Временной гостиницы, где остановился писатель, по его словам, представлялось «грандиозной спичечной коробкой, откуда в случае пожара никто не спасется. И еще... Простенки так тонки, что слышишь неволью не только разговор соседей, но даже то, что соседу снится» (7).

По словам Тана-Богораза законы, на основании которых управлялась Гагра, писались на мимеографе и ежедневно вывешивались в назидание публики.

Характеризуя «деятельность» начальства, которое было призвано охранять покой принца Ольденбургского и других богачей, проживающих или отдыхающих в Гаграх, автор далее цитирует некоторые из этих законов и приказов. Так, например, приказ № 170 от 21 мая 1909 года гласит: «В районе Гагринской климатической станции, в особенности около гостиниц, развелось слишком много кошек. Предписываю: владельцам кошек надевать на них ошейники. Кошки без ошейников будут уничтожаться». В другом приказе за № 342 от 9 декабря 1909 года: «а) Исключаются из списка два осла за № 8 и 11, из которых один пропал, а второй разбился о камни, сорвавшись со скалы; б) Штрафуются на три рубля официант Никита Ладный за оскорбительный и дерзкий ответ заведующему рестораном; в) Производятся из телят в коровы за достижением надлежащего возраста №№ 6 и 10, о чем объявляется по управлению поселка» и т. д. Все эти смехотворные приказы подписывались начальником Гагрской климатической станции.

Но внимание Тана-Богораза привлекает не только комическая сторона жизни Гагра. Писатель отмечает, что климатическая станция, на строительство которой истрачено три миллиона рублей, пожирала ежегодно 150 тысяч рублей государственными ассигнованиями и представляла собой скучное, голодное место, где не столько лечились, сколько думали как бы не заболеть малярией. По этому поводу Тан-Богораз пишет: «Скучно жить

---

6 Там же, с. 116.

7 Там же, с. 118.

37

в Гаграх и вдобавок голодно. Казенный ресторан приготовляет пищу суконного свойства. Прислуги в ресторане не хватает. Пока подадут, не дожدهшься. А цены, как на французской Риевьере, в Монако или Ницце. Такие ресторанные порядки были, должно быть, в Харбине во время войны. Если на то пошло, то лучше обедать в татарском отделении народной столовой. Салфетки не дадут, зато хоть перцу навалят больше, чем нужно; фасоли, помидоров, бараньего жира. Вся жизнь в Гаграх казенная, даже мелкие лавочки и турецкая кофейня получают субсидию, а другие, напротив, платят за место на базаре по 30 рублей в месяц. Зато и цены совсем небывалые, вдвое и втрое против соседних прибрежных местечек.

Летом и зимой малярия. И с утра до вечера — нечего делать. Даже флиртом заниматься слишком душно» (8).

Писатель В. Г. Тан-Богораз в своих путевых очерках «На солнечном берегу» подробно коснулся лишь Нового Афона и Гагра, но неоднократно упоминает Сухуми и другие населенные пункты Абхазии. Сочинения Тана-Богораза дают не только общее представление о Черноморском побережье Абхазии, но и в какой-то мере освещают социально-экономическую жизнь Абхазии в первом десятилетии XX века.

---

8 Там же, с. 115.

## АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

В 2—3-х километрах от Навофонского монастыря находилось маленькое именье Беклемишевых.

Здесь жила пожилая вдова Лариса Аполлоновна Беклемишева и ее племянник Борис Алексеевич Беклемишев. Две дочери Ларисы Аполлоновны жили в Петербурге. Одна из них Вера Евгеньевна была замужем за Соломоном Юльевичем Копельманом, издателем «Шиповника». Этот культурный человек был широко известен в среде писателей начала века. Через его кабинет прошли едва ли не все виднейшие писатели того времени — А. М. Горький, Л. Андреев, И. Бунин, А. Ахматова, А. Н. Толстой и др. (1). Третья дочь Ларисы Аполлоновны — Надежда Евгеньевна Эджибия жила в Сухуме, в доме Б. Н. Захарова, с семьей которого была в самой тесной дружбе.

Весной 1911 года С. Ю. Копельман приехал на отдых к своей теще Л. А. Беклемишевой и с ним приехал А. Н. Толстой. Тогда это был еще молодой, но уже известный писатель. Эта поездка дала ему материал для рассказов «Эшер» и «Неверный шаг». Л. А. Беклемишева и Борис Беклемишев до некоторой степени послужили прототипами героев «Неверного шага».

16 апреля Толстой записывает в своем дневнике: «Беклемишев — худой, сутулый и рыжий, с большими голубыми глазами, никогда не чешется, бреется раз в месяц, моется не всегда... Читает по ночам запоем, проглатывая по книжке за ночь, причем не знает ни автора, ни названия книги. Когда поздно поутру тетка приносит ему стакан чая, он курит и опять читает. В комнате пахнет бог знает чем — кожей, порохом, потом, окурками,

---

*1 Сын В. Е. Беклемишевой и С. Ю. Копельмана, тогда еще ребенок, впоследствии стал писателем Ю. Крымовым («Танкер Дербент», «Инженеры»). Он погиб в Великую Отечественную войну, в которой участвовал как корреспондент Правды». В. Е. Беклемишева тоже была литератором. Ей принадлежат воспоминания о Леониде Андрееве, литературная запись рассказов клоуна Альперова и другие работы.*

39

грязью. На столе беспорядок, на котором Беклемишев один разбирается... Когда наконец встает, то сразу кричит «исть». Тетка добродушно ворчит и в столовой у нее шипят уже две керосинки. Тетка, видя в нас людей интеллигентных, с утра до вечера говорит с нами не переставая о школах, о Кони (терпеть не может, фигляр),

о Сологубе (старый развратник), о китайской войне, современной молодежи, интеллигентных тружениках (это ее сфера), о сухумских дамах, которые ищут всегда кавалера, который кормил бы их в ресторанах «до расстройства желудка». Беклемишев был заядлым охотником и ходоком по горам. Он хорошо знал жизнь края, обычаи местных жителей, повадки зверей. Толстой также отмечает это в своем дневнике. «Абхазцы повседневно едят кукурузу — мамалыгу... Когда мингрелец или абхазец в трауре — отпускает волосы и бороду. Женщины у

абхазцев разводят шелковичных червей, не работают, только ткут, прядут и вышивают. Любят швейную машинку. Женщины носят шаровары, юбку, разрезанную спереди и сзади, на голове черный платочек. Любят все черное... Если абхазец честный, он спит вместе со скотиной, если вор — скотина его гуляет». А вот, видимо, конкретные наблюдения: «Абхазский бедный князь нанимает батрака, сеет кукурузу, сам же охотится, сын его ободранный ходит из духана в духан с копчиком на руке. Абхазцы целуют ему полу».

Писатель упоминает Сухум, Афон, Самурзакань.

«За Гудаутом Лыхны селение, где стоит многотысячелетний дуб, под ним собирались абхазцы в старые времена».

Из имения Беклемишевых А. Н. Толстой вместе с С. Ю. Копельманом приехали в Сухум, жили у Надежды Евгеньевны Беклемишевой-Эджибия в доме В. Н. Захарова.

По материалам, собранным в Сухуме и его окрестностях, Толстой написал рассказ «Эшер» и повесть «Неверный шаг». «Эшер» впервые под названием «Проклятие» писатель опубликовал в Петербургской газете «Речь» вскоре после возвращения с Кавказа. Рассказ завершается гибелью главного героя Джото и его любимой Эшер, которая бросилась за ним в пропасть. В повести «Неверный шаг» действие происходит в Новоафон-

40

ском монастыре, на даче Беклемишевых и в Сухуме. В повести говорится, что усадьба Баклушиных лежала у самого моря, между монастырем и городом, подъезжающему надо было подняться по кипарисовой, черной и заездной вверху аллее на пригорок, где росли огромные эвкалипты и стоял низенький белый дом с крыльцом и мезонином, от крыши которого до земли шла трещина, заткнутая паклей. На облупленных стенах, двух колонках, ставнях и полусгнившем крыльце играли зайчики, а перед окнами благоухала пять раз в году белая акация... Ведь сад кругом одичал и не вычищался... По ночам бегали мыши...».

Алексей Николаевич бывал в Сухуме и позже. В один из своих приездов он и его спутники познакомились с известным абхазским охотником Тарасом Анчабадзе (Ачба) и его сыном Вианором, студентом военной медицинской академии в Петербурге, а впоследствии известным врачом и общественным деятелем края. А. Н. Толстой неоднократно приезжал в Сухуми и в советское время. Он встречался не только с литераторами Абхазии, но и с политическими и общественными деятелями.

41

## **АЛЕКСАНДР СЕРАФИМОВИЧ**

В 1912 году А. С. Серафимович (Попов) впервые предпринял путешествие по Черноморскому побережью Кавказа. Пароход А. С. Серафимовича не устраивал — не хотелось, как он писал, «издали и мельком увидеть чудесный берег. Лошадьми длинно, и постоянно будешь связан; на автомобиле — все пронесется, как сон». Поэтому писатель решил ехать на своем «дьяволе» — мотоцикле. «При таком

способе передвижения я стану вплотную и к природе и к людям. Останавливаюсь, где захочу. Я все увижу, ничего не упущу». Гагры — этот чудесный уголок Кавказского Причерноморья, к тому времени уже превращены в модный великосветский курорт, с вымощенными улицами, с дворцом и 5-тью гостиницами, снабженными электрическим освещением и водопроводом. В 18-ти километрах от Гагр, на склонах горы Мамзышха, на высоте 1 000 метров над уровнем моря была выстроена небольшая альпийская гостиница на 16 номеров. А на самом берегу моря, по проекту главного архитектора Гагра И. Г. Люцедарского — строителя здания Народного дома в Петербурге, было возведено здание купальни, возле него крытая платформа, куда подходил трамвай-конка. Отсюда отдыхающие могли ехать в гостиницу и в район устья реки Цихерва. Отдыхающие и туристы прогуливались по чудесному субтропическому парку, засаженному агавами, хамеропсами, лимонными и апельсиновыми деревьями, кипарисами, с красивым бульваром из пальм и магнолий. Но стоило отойти от парка и крепостных стен на сотню шагов к западу, как приезжий попадал в барачный городок, который именовался «Трапезундом». Здесь были хаотично разбросаны хижины, наспех сколоченные из дранки и фанеры. Еще более убогое впечатление производили Новые Гагры, находившиеся в пяти километрах от курорта, где проживали рабочие и торговцы и где не было ни малейших признаков культурной жизни.

Путешествуя далее мимо абхазских сел, лежащих вдоль Новороссийско-Батумского шоссе с их отдельными усадьбами, с небольшими пахотными полями, виноградниками, фруктовыми садами и родовыми кладбища-

42

ми, писатель прибыл в Гудаута, где имел дачу его друг-писатель И. С. Шмелев, который настойчиво приглашал на отдых в Гудауты. Об этом рассказывается в письме Серафимовича А. А. Кипену. «Шмелев — в восторге от Кавказа, где наслаждался, где его ограбили, от моря, от солнца. Зовет. Живет в Гудаутах. Вот бы нам с тобой махнуть. А?» (1). Через две недели он с радостью пишет И. А. Белоусову: «Я на мотоцикле по Черноморскому шоссе от Новочеркаска еду в Гудауты к Шмелеву. Напишите нам туда, будем очень рады, а приедете — еще лучше» (2).

Тогда Гудаута был небольшой поселок, в то время там были два кустарных коньячных завода, почтово-телеграфная станция, начальное училище, несколько карликовых гостиниц с ресторанами, в том числе только что построенная гостиница на 50 номеров. Но в Гудаутах у Шмелева Серафимович остался недолго. Об этом он писал позже А. А. Кипену. «У Шмелева пожил два дня, в Сочи два раза по 5 дней» (3). Говоря о причине столь кратковременного пребывания писателя в гостях у своего друга И. С. Шмелева, литературовед Николай Веленгурин в недавно выпущенной им интересной книге «Южная соната», пишет: «Сейчас мы еще затрудняемся сказать, почему Серафимович не задержался в Гудауте у И. С. Шмелева. Ведь цель его поездки — побывать у своего товарища по перу и отдохнуть здесь...

Возможно, Серафимовича в этой поездке увлекла не встреча с писателем, которого он хорошо знал, а знакомство с новым для него краем, с новыми

местами и людьми» (4).

Мы пока не располагаем данными о его посещении близлежащих достопримечательностей Нового Афона и Сухума. Но надо полагать, что он несомненно, имея в своем распоряжении мотоцикл, посетил эти места.

18 августа 1913 года, проехав по побережью более тысячи километров, писатель вернулся в Новороссийск. Спустя шесть дней он пишет письмо Кипену: «Вот я вернулся. Ты не можешь себе представить, что за чудесная вышла поездка, горы, леса, солнце, люди, встречи и я,

---

1 Серафимович А. С. Собр. соч. в 7-ми томах, т. 7. М., 1960, с. 473.

2 Там же. с. 476.

3 Там же, с. 477.

4 Веленгурин Н. Южная соната. Краснодар, 1979, с. 125.

43

как дух, как дьявол, несусь среди этого. Останавливаюсь по шоссейным сторожкам, по кофейням, — нахлебался впечатлений; побывал в Туапсе, Сочи, Гаграх, Гудаутах, в Красной Поляне; пробежал по веселой и улыбающейся Абхазии. Голубчик, что за чудесная страна. Теперь я отравлен, как повеет теплом, меня уже потянет. Сколько за эту поездку слезло шелухи. Я теперь, как змей в новой шкуре».

А еще до этого из Сочи 11 августа 1913 года он пишет письмо И. А. Белоусову: «...дорогой Иван Андреевич, мчусь на своем «дьяволе» обратно на Дон. Побывал в Гаграх, в Гудаутах (у Ив/ана/ Сергеевича), на Красной Поляне, видел чудеса Кавказа, слышал пение его горных потоков, поклонился его седым вершинам, и до сих пор меня не убил ни один автомобиль, с которыми тут постоянные катастрофы. Как собаки шныряют» (5).

После возвращения из этой поездки А. С. Серафимович написал замечательный рассказ «Скитания». В этом рассказе он неоднократно упоминает великосветским курорт Гагры. Более подробно о нем он пишет, приводя свою беседу с потерпевшими аварию шофером, которым рассказывает писателю о трудной шоферской жизни па дорогах через Гагры и Сочи. «Вернулся из Туапсе (рассказывает водитель. — В. П.) — в Сочи, из Сочи приехал в Гагры, вернулся из Гагр — в Красную Поляну, приехал в Сочи, вернулся опять в Красную Поляну, до того осточертело! Па поворотах едешь, не уменьшая хода без гудков, — не нагудишься. А сколько через это поразбилось». По мнению водителя, причиной этих бесчисленных аварий, которые терпели машины с туристами, были не только плохие дороги. Главное — у водителей «времени своего нет, никогда нет — ни днем, ни ночью, ни в праздник, если не в езде — будь начеку, никогда нельзя отлучаться, сейчас могут вызвать: ночью ли, на заре, спал или обедаешь, ехать! Все бросаешь, вскакиваешь, — господа не ждут».

Выдающееся произведение А. С. Серафимовича «Железный поток» абхазские читатели имеют возможность прочесть благодаря прекрасному переводу Григория (Шабата) Эмхаа на своем родном языке.

---

5 Серафимович А. С. Указ. соч., сс. 476-477.

## ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Весной 1901 года, когда Владимиру шел восьмой год, по случаю окончания его старшей сестры Люды 7 классов Кутаисской гимназии, Маяковские решили поехать всей семьей в Сухум и погостить у родителей подруги Люды — Туркия, давно уже приглашавших их к себе. Как сообщает Александра Александровна Маяковская, они «доехали до Батума поездом, а оттуда в Сухум — пароходом. Погода стояла хорошая, солнечная. Черное море было тихое, красивое... Это путешествие доставило всем большое удовольствие, особенно впечатлительному и любознательному Володе. Володя был одет в матросском костюме, на пароходе разговаривал с пассажирами, капитаном, матросами. Он бегал по пароходу. Ему хотелось все увидеть, все осмотреть... Когда пароход вошел в Сухумскую бухту, перед пассажирами открылся очаровательный вид города с окружающими его горами, покрытыми густой растительностью, с каменной набережной, вдоль которой тянулся бульвар. Среди всех строений выделялись двухэтажный дом таможни, гостиница и Сухумская крепость с ее угловыми башнями. Западнее крепости виднелся Сухумский маяк. Володя заинтересовался маяком, который своим миганием привлек его взор. Моряки объяснили ему устройство и назначение маяка: «он далеко светит и указывает путь морякам» (1).

В Сухуме к этому времени уже была железная пристань, но суда с большой осадкой к ней не подходили, а бросали якорь на рейде; на берег же пассажиров перевозили турки и греки на фелюгах — зрелище было весьма романтическое. В одной из этих лодок сидел встречавший Маяковских сухумец Туркия. Он принял их весьма радушно. Гости много гуляли, осматривали достопримечательно-

---

1 Маяковская А. А. *Детство и юность Владимира Маяковского*. М., 1955, сс. 32—33.

сти города, население которого тогда составляло 11 тысяч человек. Вернувшись домой, Володя так много рассказывал об увиденном им в Сухуме, особенно о маяке, что сверстники прозвали его «Володя-маяк».

В конце двадцатых годов, уже будучи известным поэтом, Маяковский снова побывал в Сухуме, где в это время жили его близкие друзья.

В 1929 году Маяковский приехал из Сочи в Гагра и выступил с чтением своих стихов в летнем театре, что в приморском парке. Выступление поэта было встречено местными жителями и отдыхающими с большим интересом. Как вспоминает Асаф Мессерер, «в Гагры мы приехали задолго до концерта. Он был назначен под открытым небом. Помню какую-то эстраду, перед ней стояли длинные скамьи. А чуть в стороне располагался ресторан с балконами, в типично грузинском духе. И эти балконы выходили на эстраду. Маяковский предложил нам зайти в ресторан, выпить чаю с коньяком. Ну, думаю, это он для

подкрепления, на стакан чая — для аромата ложечку коньяку. С официантом Маяковский поговорил по-грузински, и тот сразу повеселел, пообещав достать замечательного коньяку. Коньяк действительно вскоре появился на столе. И Маяковский пил так: делал глоток чая, выпивая сразу полстакана, а потом доливал стакан коньяком и снова делал глоток. Мы же налили по чайной ложечке. Так что весь замечательный коньяк Маяковский выпил сам.

Потом начался концерт. Народу собралось много, около тысячи человек. На эстраде стоял небольшой стол, на столе бутылка боржоми. Маяковский вышел и сел на стул, перемахнув ногой через спинку. Публика сразу засмеялась. Потом он вынул из бокового кармана уже знакомый мне металлический стаканчик и стал вытирать его носовым платком. Кто-то крикнул: «Товарищ Маяковский, а ведь носовым платком негигиенично вытирать стакан!» Маяковский, не взглянув на этого человека и продолжая трудиться над стаканом, ответил: «Вашим — негигиенично, а моим — гигиенично!» Раздался взрыв хохота. Маяковский налил себе боржоми и выпил. И снова кто-то крикнул: «А какая разница между Вами и Пушкиным?» — «Прочтите — узнаете!» — был ответ. Вдруг к его ногам упала роза. Он взглянул на нее

46

и не поднял. Тогда с ресторанный балкона раздался тонкий старушечий голос: «Товарищ Маяковский, это я вам кинула!» Он поднял глаза. «Ах, вы — тогда другое дело!» Поднял розу и положил перед собой на стол. И снова ему крикнули из зала: «Вот вы были у нас в Саратове, товарищ Маяковский, а ведь рабочий класс ваши стихи не понимает!» Маяковский спросил: «Это кто же рабочий класс, вы?» — Нет, не я, а рабочий класс! Вас даже тухлыми яйцами закидали!» — «Тухлыми яйцами — не помню. А вот солеными огурцами помню», — ответил Маяковский.

И такая перепалка шла почти все время, пока Маяковский не начал читать стихи. В тот вечер он читал много, щедро, читал великолепно, и они вдруг дошли до меня, пронзили, стали моими на всю жизнь гладиаторские стихи Маяковского. Успех нарастал, но среди публики сидел какой-то нахал, который все время мешал поэту, выкрикивая: «Плохие стихи!» Маяковский рассердился: «Вот что, вы мне надоели! Вам не нравится, уходите!» Нахал развязно отвечал, что купил билет и может сидеть сколько угодно. Маяковский оказал: «Я вам отдам деньги, давайте мне ваш билет!» Тот поднялся, отдал Маяковскому билет и получил с него деньги. «Ну, кто еще? Подходите! — обратился Маяковский к остальным. — Каждому буду отдавать, кому не нравится!» Но, конечно, никто больше не подошел. А главное — не ушел и тот человек. Маяковский крикнул ему: — «Нет, уходи вон!». Но тот упорствовал и сидел. «Тогда я не буду больше читать!» — заявил Маяковский. Тут поднялся шум, десятки рук подняли этого типа и выкинули его вон.

Концерт продолжался, и, помню, я всем существом ощутил, какая это воловья работа — поэт Маяковский! В этот вечер он завоевал даже тех, кто не понимал и не принимал его стихов.

А на завтра снова был в Хосте, снова сидел на пляже, но, по обыкновению, не купался и не загорал. Мы стали просить, чтобы он выступил со стихами в Хосте.



«А кому тут читать! — возразил Маяковский. — Тут народу нет. В Сухуме — Батуме — другое дело. Я поеду туда» (2).

---

2 Мессерер Асаф. *Танец, мысль, время*. М., 1969, сс. 79—80.

47

Действительно, по имеющимся данным, Маяковский побывал в Сухуме, где в это время жили его близкие друзья, Василий Каменский и земляк по Багдади, друг детства Петр Спиридонович Джапаридзе. Как рассказала нам дочь П. Джапаридзе — Кетевана Петровна, Владимир Владимирович посетил их дом на нынешней улице Орахелашвили № 19, встретил здесь своих близких друзей, а также представителей сухумской интеллигенции Вианора Анчабадзе, Баграта Иоселиани и др. Его посещение надолго осталось в памяти семьи Джапаридзе и всех остальных его сухумских друзей.

48

## **ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ**

Известный русский поэт и драматург Василий Каменский, начиная с 1914 года, неоднократно бывал на Кавказе. Он выступал в Тифлисе и в курортных местах Кавказа с чтением своих стихов. В Ялте его арестовывают белые, после взятия города Красной Армией поэта освобождают из-под ареста, и он вновь приезжает на Кавказ.

Василий Каменский в этот раз задержался на некоторое время в Сухуме. Он активно участвует в деятельности Сухумского артистического общества, которое возглавлял известный русский театральный деятель и режиссер Н. Н. Евреинов. В Сухумском театре были поставлены четыре спектакля, два из них по произведениям Н. Н. Евреинова. Эскизы, костюмы и декорации к этим костюмам были великолепно выполнены А. К. Шервалгадзе (Чачба). Некоторые спектакли проходили с участием Василия Каменского. Неоднократно он выступал перед сухумской аудиторией с чтением стихов. Вторично Василий Каменский в Сухум приехал в 1923 году вместе с Н. Н. Евреиновым на отдых. А в 1926 году Каменский привез с собой жену Августу Алексеевну Касторокую-Каменскую. Он познакомился с ней в Ленинграде и женился. Августа Алексеевна была племянницей известного певца Мариинского театра баса В. И. Касторского. Она жила у него и училась пению, он готовил ее для сцены Мариинского театра. Однако она разочаровала его, выйдя замуж за Каменского. Отец Августы Алексеевны был композитором и одним из организаторов песенной культуры Пензенской области. Каменский уговорил Касторских продать дом в Пензе и переехать в Сухум. Жили Касторские сначала на горе Чернявского (ныне Сухумская гора), но дом был неудобным, и они позже переселились на Батарейную гору (ныне улица Горийская, № 28) (1). Здесь Василий Камен-

---

1 Эти сведения сообщила автору журналистка Е. Б. Рафальская, за что приносим ей благодарность.

ский создал свои произведения «Жонглер», «Поэму о Сухуми», «Прибой в Сухуми», «Абхазия» и другие. Когда он выезжал в Москву, или на родину в Сибирь, его неизменно тянуло в Сухум, где он приобрел много друзей. Каменский познакомился и подружился с выдающимся абхазским писателем, общественным и государственным деятелем Самсоном Чанба, который «высоко ценил своеобразное и многогранное поэтическое творчество поэта. С. Чанба написал воспоминания, в которых запечатлел нерасторжимые связи В. Каменского с Абхазией, и его трудовым народом» (2). Большая дружба связывала Каменского с известным детским писателем и исследователем жизни и творчества основоположника русского сценического реализма М. С. Щепкина — Теодором Грицем, который родился и вырос в Сухуме. Их знакомство произошло в Сухуме в 1925 году, дружба же их продолжалась до конца жизни.

В 1931 году Василий Каменский совершил путешествие вдоль Черноморского побережья на пароходе «Абхазия». Придя в восторг от нового теплохода, он сделал следующую запись в дневнике: «Ну и теплоход! Огромен, строен, блестящ, удобен. И все пассажиры будто на именины пришли. У всех праздничные лица. Встречаю знакомых, знакоюсь с другими. Сплошь. Знают. Даже цитируют. Попросят читать стихи в общей комнате. Читаю. И чем дальше, тем круче свирепеет качка, будто от стихов происходит, иные не выдерживают. Громадина «Абхазия» к вечеру попадает в шторм... У Туапсе шторм затих. Но дикие волны не позволили остановиться ни в Сочи, ни в Гаграх. Мимо. Утром пристали к Сухуму. Тихо. Солнечно. Сухум изумительно улыбался. Я еще более. Мы понимали друг друга. Тут я дома, как лист пальмовый. Главное — здесь родился и рос мой сыночек Алеша. Смотрю на тот самый дом, где... Смотрю и вспоминаю об удивительных днях тропической восторженности... Теперь моя жизнь иная. Я еду мимо. В груди звучит далекая песня любимой Абхазии. И вот еду я на «Абхазии» будто чужой, а это неверно. Я тот же, неизменно близкий, свой, взволнованный, благодарный. Мне не забыть ничего, что оставлено здесь в гнезде сухумском, в счастливых шагах по улицам прошлого, в зное

---

2 Бгажба Х. С. *Этюды и исследования. Сухуми, 1974, с. 56.*

приморском под пальмами. Здесь я написал «Жонглера» и вообще много стоящее. Жизнь торопит. С борта «Абхазии» я еще долго до конца смотрел на оставленное гнездо. Нет, не оборвется нить никакими просторами. Еще встретимся, еще увидимся, не правда ли? К вечеру Поти. И вот наутро — Батум» (3).

В Батуме, где поэт бывал неоднократно, стояла весна в полном разгаре. «Все в одно солнце одеты, всем тепло. Батум прекрасен, тропическая зелень окрестностей восхищает сразу, окрыляет, возносит, обещает хорошие стихи. Поэмы будут. Чувствую, Аджаристан в цвету. Начну так... Великолепная страна! Знаю. Вижу. Я здесь не в первый раз. Поэма об Аджаристане будет сделана после приезда из Тифлиса, куда надо двинуть на ряд выступлений и, кстати, увидеться с

друзьями Корнеевыми» (4).

Пробыв несколько дней в Батуме, В. Каменский отправился на две недели в Тифлис, где встретился со своими друзьями, а в газете «Заря Востока» напечатал большую поэму «Юность Маяковского». В Тифлисе ему было предложено, как знатоку персидской литературы, перевести книгу великого персидского поэта и философа XII столетия Омара Хаяма «Рубайят». Из Тифлиса он снова возвратился на Аджарское побережье и с семьей устроился на Зеленом мысу, «где будто в поэму переселился, в «рай земной» залез, окруженный морем, горами, солнцем, розами, пальмами, бананами, магнолиями...».

После окончания Великой Отечественной войны Василий Каменский снова на Черноморском побережье Кавказа. Снова он отдыхает и лечится в Новом Афоне, а затем переезжает в Сухум и живет две недели в семье доктора А. С. Грица, родного брата Теодора Грица (проспект Мира, № 25). О приезде Каменского стало известно поклонникам его таланта. По просьбе Союза писателей поэт выступил в летнем зале Абхазской государственной филармонии. В течение двух часов с огромным вниманием слушали собравшиеся поэму «Стенька Разин», стихи о Грузии и Абхазии.

---

3 Из дневника В. Каменского, 1931 год. «Литературная Грузия», № 7, 1968, сс. 6-7.  
4 Там же, с. 8.

51

В 1949 году, уже будучи тяжело больным, Василий Каменский вновь приезжает в Сухуми, где ему была предоставлена квартира. Несмотря на болезнь поэт не прекращал работу, писал стихи, рисовал городские пейзажи и море. С большим вниманием отнеслись к нему абхазские собратья по перу Георгий Гулиа, Иван Тарба, Хухут Бгажба. Навещали поэта Николай Тихонов, Константин Симонов, Галактион Табидзе, Иосиф Гришашвили и другие. В беседах с ними он часто вспоминал о дружбе с Владимиром Маяковским, о том, как вместе с Д. Бурлюком и В. Маяковским в 1914 году приезжал в Тифлис и выступал с чтением лекций и стихов, о том, как огромные толпы народа, особенно молодежь, восторженно встречали их. Вспомнил он и о вечере кубо-футуристов, проходившем в казенном театре в Тифлисе, где три русских поэта сидели на сцене за длинным столом: в середине Маяковский в желтой кофте, по одну сторону — Бурлюк в грязно-розовом пиджаке... Перед Маяковским — большой колокол для водворения тишины и порядка (5).

В конце сороковых годов Василий Каменский покидает Сухум. Талантливого поэта помнят и высоко ценят его творчество. Известный абхазский ученый и литературный критик Х. С. Бгажба написал специальное исследование, посвященное творчеству Каменского, связанное с Абхазией.

---

5 Земсков В. Василий Каменский в Грузии. «Литературная Грузия», № 7, 1968, сс. 8.

52

**КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ**

<http://apsnyteka.org/>

В начале 1922 года, как писал Константин Паустовский, ему «не давала покоя муза дальних странствий», и он из Одессы приехал в Сухум. «Я решил сойти на берег, чего бы это ни стоило. И не только сойти на берег, но и остаться здесь. Мне казалось, что если я сойду, то сбудутся мечты моего детства. Мечты о том, чтобы... прикоснуться к ворсистым стволам... пальм, к изумрудной коре бамбука».

Сбылась его мечта, — несмотря на карантинный запрет, он высадился в Сухумском порту. Вот первые впечатления об абхазцах, увиденных им: «...в могоуне першило горло от табачной пыли. Через борт лениво заглядывала малахитовая волна. Грузчики-абхазцы с хищными лицами яростно кричали. Пыльные мешки были гордо обвязаны вокруг их голов.

Мне показалось, что грузчики собираются выбросить меня в море. Но смотритель порта крикнул им что-то по-абхазски. Они сразу успокоились и даже угостили меня табаком «самсун». От этого табака у меня на несколько секунд остановилось дыхание. Солнце завертелось в небе. Абхазцы сочувственно покачали головами и нехотя взяли за тяжелые весла. Могоуна поползла, переваливаясь, к таинственному берегу». Абхазцы казались Паустовскому загадочными. «Большой частью это были люди сухощавые и клокочущие, как орлы. Они почти не слезали с седел. Кони, такие же сухощавые, как люди, несли их, перебирая тонкими ногами. Почти у всех абхазцев были профили, достойные, чтобы их отлить из бронзы».

В Сухуме молодой писатель поселился на небольшой даче, принадлежавшей Каролине Георгиевне Герман, у подножья Сухумской горы, где «в белом горном доме с низкими потолками — тонкая тишина. Синим льдом сверкают, как только что расколотый сахар, тяжелые горы. Золотым дождем цветет за оконцами пряная мимоза, и воспаленное солнце ложится в тусклое, задымленное море. Горный дом уже стар, и в широких щелях

53

полов потрескивают по вечерам сердитые скорпионы... Этот дом утопал в зарослях высоких и душистых азалий, а позади темнела стена лакированной бамбуковой рощи». В письме к невесте от 11 февраля 1922 года Паустовский писал: «В саду около комнаты растут громадные кактусы, бананы и мандарины. За окнами — море (здесь необычайные закаты) и синие громады гор. Поют арбы и по улицам ходят страшные, но безобидные, как дети, абхазцы в бурках, с головами, повязанными черными башлыками... Здесь море густое, душистое..., по вечерам виден анатолийский берег... Нравы здесь патриархальные, когда здороваются, касаются правой рукой земли».

Но, отдавая должное красотам Абхазии, он писал вместе с тем, что Сухум — «громадная абхазская деревня, без книг, без газет, совершенно отрезанная от всего мира... И об Одессе я вспоминаю, как о громадном культурном центре. Тоска такая, что временами хочется бежать от этих влажных гор..., от льющих в последние дни дождей и грязи».

Константин Паустовский провел в Сухуме несколько месяцев, работая в конторе Абхазкооперации (улица Ленина, дом № 9, ныне клуб Союза писателей Абхазии и

шахматный клуб).

В Сухуме писатель интересовался жизнью горожан, историческим прошлым Абхазии, часто совершал прогулки по городу и его окрестностям. Свои наблюдения он записывал и впоследствии использовал их в ряде произведений: в романе «Романтики», «Блистающие облака», в повести «Бросок на юг». А услышанная им от моряков история о капитане грузового парохода, влюбившимся в случайную попутчицу, легла в основу главы «Ночная встреча» в романе «Романтики».

Нами установлено, что Паустовский бывал в Абхазии и в последующие годы. Так, в июле 1925 года, перед поездкой в Италию он ездил на Черноморское побережье Кавказа, «чтобы заработать денег». 28 июля 1925 года он писал из Батума своему другу журналисту Р. Фраерману: «...лупит сумасшедший ливень. На море шторм. Пути размыты. Обычная батумская погода. Поэтому приеду в Москву. Внимание! На пароходе «Севастополь» по пути из Сухума в Батум мною обнаружен Сапарин (имеется в виду коллега К. Паустовского по

54

редакции. — В. П.), который едет на Зеленый Мыс к родным... Сплю в редакции на столе».

Неизвестно, бывал ли Паустовский в Абхазии в последующие годы, но он не раз вспоминал о днях, проведенных в Абхазии. Так, работая в журнале «Наши достижения», в беседе с коллегами Паустовский вспоминал живописные пейзажи Абхазии и ее гор.

Незадолго до своей кончины, уже будучи всемирно известным прозаиком, в беседе с известным грузинским писателем Г. С. Гогичайшвили он много и с увлечением рассказывал о своей жизни в Сухуми. Он хотел еще больше узнать о первых годах Советской власти в Абхазии, о том, как преобразился край с того времени. Интересовался он и тем, что собой представляли разбойники Эмухвари. Ряд сведений впоследствии Паустовскому в Москву сообщил профессор З. В. Анчабадзе. Одновременно он выслал ему и свою книгу «Из истории средневековой Абхазии». В ответ Паустовский писал: «Спасибо за присланные сведения по истории Абхазии, а также за книгу, которую с удовольствием читаю». В Абхазии, как и во всей нашей стране, любят произведения классика русской советской литературы Константина Георгиевича Паустовского. Его повесть «Бросок на юг» переведена писателем А. Джения на абхазский язык.

55

## **ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ**

В 1925 году молодую абхазскую республику посетил выдающийся советский писатель, автор книги «Чапаев» Дмитрий Фурманов. Еще до приезда в Абхазию он был довольно хорошо информирован о делах в крае, ознакомился с туристской литературой, узнал прошлое Абхазии.

В годы гражданской войны, будучи начальником политотдела IX Красной Армии, Фурманов участвовал в боях за освобождение западного побережья Кавказского

Причерноморья от меньшевиков и белогвардейцев. В то время ему приходилось получать от абхазских партизан и жителей края информацию о положении дел в Абхазии, находившейся под тяжелым меньшевистским игом. Будучи редактором армейской газеты в Тифлисе, он радовался первым успехам Советской власти в Грузии и Абхазии.

Фурманов прибыл в Сочи на отдых, а оттуда направился в Абхазию в сопровождении смуглого юноши-абхазца по фамилии Айба, у «которого «мелкие и дружные кольца кудрей на лоб бежали, словно черные струи сосновых смол. На груди у Айба увидел я кимовский знак. Я узнал, что раньше Айба жил в Сухуме, теперь он живет в горах, — что отец его был муша (он разорвал себе сердце под кладью и умер в трюме), в Сухуме Айба обучился русской речи...

Не было в словах у него ни ребячьего задора, ни игры в таинственные рассказы про горные чудеса, не было и затверженной мертвой схемки, которую где-то вычитал, где-то узнал случайно. Нет, Айба смотрел таким умным понимающим взором, что было ясно: накрепко знает, что парень говорит!».

Автопромторговая машина, доставившая Дмитрия Фурманова и сопровождавшего его юношу Айбу, высадила их на гагрской базарной площади. «Здесь на базаре, — замечает Фурманов, — никто, казалось бы, ничего не покупает, — трется, толчется впустую народ, а шуму столько, что хватит на Смоленский рынок! Из товаров

56

не ахти богат: груши, яблоки, длинные палочки, слепленные из орехов, скользкие рыжие финики, подернутые плесенью, копченые колбаски, хлебная часть, да и вино

по полкам...».

Отсюда Фурманов направился сквозь старинные крепостные ворота, мимо каменной пустой часовенки, которой насчитывается несколько сот лет (имеется в виду крепость Абаата и храм VI века в Старых Гаграх. — В. П.).

И далее, в художественном очерке Фурманова «Морские берега», в разделе «Гагра», мы читаем: «Гагры под самыми горами. Горы здесь тучные и черные от густых лесов. Горы здесь высочайшие и хранят от холодных бурь селение; только теплые, тихие ветра дышат с моря.

Вечерами по взморью фланирует много красивых, отлично одетых молодых жеребчиков — это бездельники — таких очень много всегда по курортам. Наутро вы их увидите по кафе, у столиков, по садам — они пьют вино, потом играют в нарды, в домино, слоняются от лавки к лавке, нехотя побалтывают; вяло отходят, снова подходят, и так толкаются до тех пор, пока не умятятся где-нибудь для праздного и длительного разговора. Это не дачники, не курбольные, это просто куржеребчики. Вы здесь и тени не сыщите от трудовой Абхазии, она, настоящая, где-то там — по табачным плантациям, у кукурузных полей, на лугах, где пасутся стада, по виноградникам, по мастерским». Далее он пишет: «Есть Старые Гагры, а есть и Новые, что прежде ходила конка, путь остался и до сей поры. Конка теперь забеднела, не работает — в Новые Гагры гонят извозцы... Новые Гагры победнее Старых, главный жизненный нерв не здесь, а там».

Восторгаясь достопримечательностями курорта, писатель замечает: «Над

Гаграми, на скале — прекрасен и грозен высится замок, он был когда-то собственностью принца Ольденбургского. Теперь там малярийная станция, а наверху живут одиночки-жильцы. Чудесное здание вовсе не использовано...». Замечания писателя были правильными. Вскоре правительство Абхазии приспособило здание дворца принца А. П. Ольденбургского под здравницу. Побывав проездом в Гудаутах, Дмитрий Фурманов

57

остановился на отдых в Новом Афоне. Здесь он не только отдыхал и восстанавливал свои силы, подточенные годами гражданской войны, но и интенсивно работал.

Еще за год до прибытия Фурманова, по требованию народа, в том числе и верующих, правительство Абхазии закрыло Новоафонский монастырь, как очаг контрреволюционной пропаганды. Из 250 монахов 52 навсегда отказались от монашества и начали трудиться в организованном на базе монастыря Псырцхинском совхозе и в пансионате, остальные разбрелись по разным местам. Об одном из бывших монахов, с которым имел встречу Фурманов во время его пребывания в Новом Афоне, он пишет: «...По коридору медленно и косолапо двигался монах, его можно было опознать издали по соломенной несуразной и широченнейшей шляпе, по кислому, постному выражению оскотенного лица. Подошел, встал баком, словно осердясь и спросил, глядя в сторону, будто и не нам говорил, стене:

— Номер, что ли?

— Номер, отец...

Он скрипуче перевернулся па подошвах и пошел, не сказав ни слова; мы догадались, что надо идти вслед. Монах достал из глубокого кармана тяжелую связку ключей, приоткрыл дверь пустой комнатки, только что насвеже побеленной, и молвил:

— Тут!

Мы переулыбнулись, глянули внутрь — там чернела голая железная кровать: ни матраца на ней, ни белья, ни подушек, а в комнате ни стула, ни табуретки...

Афон — молодой курорт, только в этом году оперяться стал...

Все было ладно, только с монахами в точку разом никак не попасть. Работают они словно бы и много, заняты накругло целый день, а все как-то нехотя, нудно это у них получается, легкости, радости нет в труде, словно и не дело делают — мочало жуют.

Далее Фурманов пишет: «В Афоне народу мало. Тишина кругом — первобытная. Красота в горах — несравнимая — такой красоты не встретишь нигде на берегу Черного моря. В Афоне, в центре совхоза, на площади — шегутится торговля: тут кооперативные лавки, тут и базарчик, торгующий ходкой снедью. Возле базара у моря — лавчущка уютится в бывшей часовне, а в просветах

58

стен, где черно от древних икон, гордо и бодро зовут за собой слова про абхазскую волю, про радостный труд... Медлительные, важные абхазцы чинно

прохаживались берегом, толпились на базарной площади, толкались по аллеям. Женщин мало — почти не видать, — одеты в черное, словно в трауре. Абхазцы смуглы и стройны. Одеты в серые плотные рубашки, тонко, в рюмку стянуты ремнями, ремни повиты серебряным узором; штаны заправлены глухо в легкие сапожки, у других завиты в цветные обмотки. На головах искусно смотаны и за плечи ловко, легко перекинуты мохнатые серые башлыки. У пояса острый зоркий кинжал, за поясом черный, зловещий револьвер».

На собранном в Новом Афоне материале Фурманов написал несколько рассказов, в том числе «Исповедь старушки из Нового Афона». Вот как в этом рассказе вспоминает одна богомолка свое посещение Новоафонского монастыря еще до установления Советской власти: «...Один этак статный, да крепкий, Варлам по имени, покажу, говорит тебе, молодка, пещеру, где старцы разные опасаются, с богом молитвы свои творят... А, как место то священное, то большой толпой грех ходить до него, и пойдешь ты одна, я как бы по святому месту поводыр тебе стану... и вошли, мать моя, мы в дремучий бор, перешли мы акалы черные, вышли на какое-то место страшное, где не видно ни тропы ног человеческой, ни свету божьего не видать... А он обернулся, да взял за плечи меня, нажал на себя: — Не робей, говорит, молодка, не робей, — устала ты, отдых надо, сядем и телу отдых погребный отдадим. А ты волнение свое успокой и тогда смело шествовать будешь за мной... Да как бросится зверем лютым на меня, да как губами своими защемиет рот мой, а лапищами тело мое обуял, окаянный, и весь нахлопнул, надавил на землю меня. Все равно, говорит, хоть кричи, хоть нет, медведь рази один услышит, а лучше сделай все добром, сопротивленья не ломай. Уж я рвала его рясу, рвала, уж и кусала руки ему, кусала, да будто медведь обвалился на меня, залапал, гад... Вот она какая пещера эта святая. Плюнула я с той поры на рясу монашечью, увидела, как под этой рясой Варлам живет, что зверь, и охота до святых мест пропала у меня вовсе...».

Это был не вымысел писателя, а сущая правда. Ведь

59

новоафонские монахи, как и их собратья в других монастырях, существовавших до революции на Кавказе, не отличались скромностью. Новоафонские монахи, особенно после первой русской революции стали почти открыто пьянствовать и развратничать. Дело доходило до того, что в некоторых подворьях Новоафонского монастыря были открыты дома терпимости.

После отдыха в Новом Афоне (тогдашний Псырцха) писатель побывал в столице Абхазии Сухуме. Здесь писатель имел встречу с руководством Абхазской республики, встречался и с местными литераторами и журналистами. Один из его провожатых по достопримечательностям Сухума был бывший музыкант подотдела культуры IX Кубанской Красной Армии И. А. Новодворский, к тому времени уже известный литератор и журналист, оставшийся после освобождения края на постоянное жительство в Абхазии.

60

**АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ**



Весной 1924 года в Сухуме впервые оказался Александр Фадеев. Он носил тогда партийную кличку Булыга и работал секретарем первого Краснодарского городского райкома. Во время своего отпуска молодой писатель вместе с группой краснодарских комсомольцев, совершая увлекательное путешествие по Черноморскому побережью Кавказа, по пути организовал среди участников этого тура футбольную команду. Краснодарские футболисты во главе с А. Фадеевым выступили в Туапсе. В Сухуми они разместились в общежитии педагогического техникума. Сухумские футболисты выдали им футбольный мяч и назначили срок матча. До встречи краснодарские туристы вместе с Александром Фадеевым ходили на экскурсии по городу, побывали в ботаническом саду, осмотрели памятники старины и совершили поездку в Новый Афон. В Сухуме Александр Фадеев и его друзья любовались ярким и шумным базаром. Молодого писателя очень интересовали нравы, обычаи, характеры сухумских жителей. Он охотно беседовал с ними, восхищался остроумием абхазцев. Однажды он сообщил своим товарищам, что недавно в Москве вышла его повесть, и показал им небольшую книжку. Это было новостью, никто не знал, что секретарь райкома партии Александр Булыга пишет книги. Кстати, во время этой поездки он вынашивал замысел своего будущего романа «Разгром» (1).

Краснодарцы, хорошо отдохнув и натренировавшись, выступили против сухумской сборной. Матч закончился в пользу сухумчан (со счетом 3:0). Но это не смущало Фадеева. Он, напротив, ликовал, говоря своим друзьям: этот матч мы сыграли хорошо, ведь с туапсинцами счет был 6:0, в пользу туапсинцев. Следующий матч мы сыграем намного лучше.

Впоследствии Фадеев стал чаще посещать Сухум. Он

---

*1 Веленгурин Н. Александр Фадеев в Сухуми. «Советская Абхазия», 1976, 10 сентября.*

61

выступал в рабочих клубах, среди молодежи и литераторов города. В ноябре 1935 г. Александр Фадеев останавливается в сухумской гостинице «Синоп». Здесь он работает над романом «Последний из Удэге». В январе 1936 года он писал своей матери Антонине Владимировне: «Как ни соскучился я здесь, в Сухуме, если учесть, что ведь целый год до этого я был на Дальнем Востоке, все-таки мне сидеть здесь пока что полезней и лучше, чем в Москве. Я очень продуктивно работаю. Я надеюсь в феврале закончить четвертую часть. Это было бы вполне «по-стахановски», если бы удалось сдать через месяц-полтора четвертую часть, когда 3-я только выйдет...». В следующем письме он сообщает: «Что касается моего сухумского сидения, то оно уже приносит свои плоды: в работе над четвертой частью я перевалил далеко за половину и в конце февраля — середине марта надеюсь закончить».

18 апреля 1936 года Союз писателей Абхазии совместно с Абхазским обкомом ЛКСМ Грузии, с участием молодежи города в помещении клуба Совпрофа Абхазии (теперь здание Сухумского горсовета) провел читательскую конференцию, посвященную обсуждению романа А. Фадеева «Разгром» (2). На ней выступили ведущие абхазские писатели, комсомольцы и сам автор. В то

время абхазский читатель уже имел возможность с романом «Разгром» ознакомиться в переводе Н. Патейпа и И. Адзинба.

Александр Фадеев неоднократно бывал на всесоюзном курорте Гагра. Однажды здесь он посетил дачу известного украинского художника, профессора Александра Корнильевича Симонова и с большим интересом осмотрел его работы. Спустя несколько лет, 25 апреля 1955 года, А. Фадеев написал письмо старому художнику, где можно прочесть следующие строки: «Дорогой Александр Корнильевич! Пишет Вам писатель Фадеев, Александр Александрович, и вот по какому поводу. Одна любительница живописи из Ростова-на-Дону, Ефросиния Николаевна Янчевская, прислала мне вырезку из газеты «Гамарджвебис дроша» (имеется в виду Гагринская районная газета. — В. П.), из которой я узнал о вашем добром намерении передать весь Ваш фонд картин

---

*2 Горький А. М. Собрание сочинений в 30 томах, т. 30, с. 312.*

62

городу и создать на базе этого фонда картинную галерею. По словам Янчевской, это Ваше предложение не реализуется, несмотря на поддержку общественности. Мне кажется, что дело могло бы сдвинуться с места, если бы органы Министерства культуры дали общественно-художественную оценку картинам и помогли бы осуществить Ваши намерения. С этой целью я направил весь материал, присланный мне Янчевской, министру культуры СССР с просьбой, чтобы он поручил позаботиться об этом вопросе компетентным людям. Желаю Вам доброго здоровья, успешной работы и крепко жму руку».

Многие годы Александр Фадеев поддерживал тесную связь с абхазскими писателями Дмитрием Гулиа, его сыном Георгием, Самсоном Чанба, Леварсой Квициния и Мушни Хашба. А. Фадеев всегда был желанным гостем в доме основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа. Известный абхазский писатель М. Л. Хашба перевел его роман «Молодая гвардия».

63

## **КОНСТАНТИН ФЕДИН**

Еще в 1924 году, путешествуя по Черноморскому побережью Кавказа, в Сухуме побывал выдающийся русский писатель, Герой Социалистического Труда Константин Александрович Федин.

Для Константина Федина 1924 год был очень напряженным. Он завершил большой роман «Города и годы». Молодой писатель чувствовал особую ответственность — ведь этот роман был одним из первых советских прозаических произведений, в котором освещались пути интеллигенции в революции. После завершения работы над романом писатель приезжает на отдых в Абхазию. Как и все побывавшие здесь до него русские писатели, он был очарован чудесной природой края. В рассказах «Соук-су» (по-турецки холодная вода) и «Бочки» Константин Федин нарисовал яркую картину Сухума и жизни его обитателей

середины 20-х годов. Город в первые годы Советской власти имел своеобразный восточный колорит.

Разносчики холодной воды, называвшейся в городе соук-су, селились на бывшей улице 3-й Подгорной, где, примерно в двух кварталах к западу от греческой церкви (ныне кафедральный собор) был источник хорошей воды, оборудованный подземной цистерной и колонкой с ручным насосом.

Кустарные промыслы были довольно широко представлены в городе. Особенно много мастерских было в районах, прилегающих к базару. Вообще в городе было много кустарных мастерских всякого рода, а такие мастера, как медники, оружейники, портные, которые шили национальные костюмы — черкески, торники и гончары занимали целые кварталы. Например, на теперешней улице Цулукидзе от улицы Орахелашвили до улицы Леселидзе справа было много медников, гончаров, которые работали часто или на тротуарах или при открытых растворах (так назывались помещения, имевшие со стороны улицы железные жалюзи, шириной во всю стену). Слева работали кузнецы и гончары, а на тепереш-

64

ней улице Лакоба — оружейники, шорники, много мельниц. Кузнецы изготавливали всякого рода сельскохозяйственные орудия — тохи, цалды, косы, топоры, оси для телег и многое другое. Подковать лошадей, буйволов и быков крестьяне могли в кузницах за Красным мостом, а когда построили новый базар, то напротив нынешнего кинотеатра «Сухуми».

На эти детали сухумского быта обратил внимание К. Федин в своих произведениях «Соук-су» и «Бочки».

В 1926 году эти рассказы вышли отдельным изданием под названием «Абхазские рассказы» с иллюстрациями художника К. Эрбштейна.

Вторично Федин посетил Абхазию в 1935 году, уже будучи известным писателем. В этот раз он был здесь проездом. Спутником его был житель Лыхны — абхазец в национальном костюме. Эту встречу Федин положил в основу рассказа «Участник делегации», с большим мастерством и выразительностью показав характерные черты абхазского народа.

К. Федин во время своего посещения Сухуми близко познакомился с местными литераторами. Одним из них был сухумский литератор И. А. Новодворский, которому в 1935 году Константин Федин подарил экземпляр своего романа «Братья» со следующей надписью: «Милому Иосифу Александровичу Новодворскому. Константин Федин».

Особенно часто стал посещать Абхазию Федин в послевоенный период. Его постоянным местом отдыха и работы стал город Гудаута. Приезжал он в течение нескольких лет на дачу «Голубая», принадлежавшую его давней приятельнице литературоведу Евдокии Федоровне Никитиной. На квартире Е. Ф. Никитиной в Москве с 1914 года часто проходили встречи писателей, художников, композиторов. Впоследствии эти традиционные собрания получили название «Никитские субботники». Почетным председателем «субботников» был А. В. Луначарский. Никитина была автором книги стихов, сказок и рассказов для детей, биографических и справочных работ о советских литераторах и

композиторах, книг о Сергее Есенине, Александре Блоке и др.

Как сообщил нам житель города Гудаута поэт Лев Любченко, К. Федин приехал в октябре 1956 года на дачу Е. Ф. Никитиной, вместе с ним приехали критики

65

Б. Я. Браймина и С. М. Хитарова. Константин Александрович сказал, что выбрал Гудауту не случайно, что ему необходима «тихая пристань» для того, чтобы наконец написать последнюю книгу своей трилогии, попросив, чтобы пребывание его в Гудауте не рекламировали, он приступил к первой главе своего романа «Костер». Рабочий день писателя был напряженным, с утра позавтракав своей традиционной овсянкой, он принимался за работу и только вечером вставал из-за рабочего стола и отправлялся к морю любоваться закатом. Примерно через неделю была готова первая глава, и Никитина упростила автора почитать отрывки из нового романа на специальном «субботнике». «Субботник» состоялся не в Москве, как обычно, а в Гудаутах. Для начала Никитина попросила Л. Любченко прочитать стихи. Стихи Федину понравились, он попросил Браймину, чтобы она помогла опубликовать их. Сам Константин Александрович прочел отрывок из «Костра». В конце «субботника» Никитина предложила, чтобы все присутствующие поставили свои автографы в протоколе. Лет через десять эти автографы опубликовала «Литературная Россия».

В том же 1956 году К. Федин вместе с литературоведом, автором очерка о жизни и творчестве Константина Федина Б. Я. Брайминой приезжал из Гудаут в Сухуми, чтобы поздравить патриарха абхазской литературы Д. И. Гулиа с его восьмидесятилетием.

Через несколько дней после посещения Сухуми Федин 8 ноября 1956 года из Гудаут пишет письмо Н. П. Величко, старшей сотруднице Сухумского ботанического сада (ныне заслуженный агроном Абхазской АССР): «Уважаемая, дорогая Надежда Павловна! Хочу воспользоваться добрым случаем и послать Вам сердечный привет и наилучшие пожелания. С большим удовольствием узнал о Ваших успехах от гудаутских Ваших друзей и очень, очень рад, что Вы по-прежнему посвящаете свой труд делу Вашего сердца и чудесному краю, который стал Вам родным.

Низко Вам кланяюсь и всегда с удивительно приятным для себя чувством вспоминаю краткие встречи с Вами. Семь (да, уже! Семь) лет назад. Нет! Что я! Даже восемь.

Уважающий Вас Константин Федин.

Поклон Николаю Павловичу».

66

Николай Павлович Величко — мой старый приятель, ветеран Отечественной войны, родной брат Надежды Павловны Величко. Вот что он рассказал: «Познакомился К. А. Федин с его сестрой Надеждой Павловной еще в 1948 году, когда Константин Александрович с женой приехал на отдых в Сухуми и остановился в гостинице «Абхазия». Однажды Константин Александрович с супругой во время прогулки оказался у одноэтажного дома на улице Церетели, №9

4, с фасада которого свисали цветы, тогда только что распустилась голубая ипомея. Федин обратился к моей матери: «Кто вырастил эти цветы? — Моя дочь, — ответила Мария Митрофановна. — А где она сейчас? — На работе в Сухумском ботаническом саду».

Константин Александрович с женой направились в ботанический сад, где и познакомились с сестрой. Вскоре мы были приглашены в гостиницу «Абхазия» на чашку чая. Беседуя, вспоминали тяжелое время войны. Я, как участник Керченского и Новороссийского десантов на Малую землю, рассказывал о подвигах наших воинов. Затем увлекся рассказам о любительской рыбной ловле. Константин Александрович посоветовал мне обо всем написать.

На следующий день мы вышли в море ловить ставриду. Рыба ловилась хорошо, и Федин справлялся без моей помощи.

Вернувшись с моря, отправились к нам домой, ели уху и жареную рыбу собственного улова. Константин Александрович рассказывал о своей дальнейшей работе. На мой вопрос: «Что Вам особенно нравится в Сухуми?», ответил: «Ваш экзотический рынок».

Известный абхазский прозаик Алексей Гогоа перевел «Абхазские рассказы» К. А. Федина. В 1970 году издательство «Алашара» выпустило их отдельной книжкой.

67

## **ЛЕОНИД ЛЕОНОВ**

Великому писателю и патриоту Л. М. Леонову принадлежат слова: «Да, мы любим свое, наше, потому что на нем лежат отпечатки мечты и золотых рук наших гениев; да, нам дорог этот наш дом, содеянный подвигом предков и всесторонне оборудованный достижениями пятилеток... Наше отечество лучше других потому, что оно есть спасательный прообраз людского общества».

Еще совсем молодым писателем в середине двадцатых годов Леонид Леонов впервые посетил Сухуми. Остановился он тогда на частной квартире недалеко от моря. Он проводил время на пляже, в прогулках по городу и окрестностям.

В Сухуме тогда велась большая работа по строительству и реконструкции. В городе уже были электрическое освещение и водопровод, некоторые улицы были вымощены. Среди культурных учреждений было богатое книгохранилище по улице Октябрьской революции (ныне улица Ленина, № 4), Академический театр Абхазии, Государственный театр (бывший частный театр Сануриди). На улице Октябрьской революции в доме № 21 находилось Абхазское научное общество, рядом — Государственный музей Абхазии, а при нем научно-краеведческая библиотека с большим книжным фондом, тематика которого относилась к Кавказу, в частности к Абхазии.

В Сухуми единственная тогда в Союзе имевшаяся климатическая станция, действовавшая только в зимне-осенний период — с 1 октября по 1 июня. На 4 летних месяца Сухумский климатический курорт для больных был закрыт, здесь отдыхали лишь люди, не нуждавшиеся в стационарном лечении, и туристы. У всех приезжих большой интерес вызвала Сухумская большая глубокая естественная бухта; мола еще в то время не было, была только лодочная пристань, и пассажиры пароходов, останавливавшиеся на рейде, переправлялись

на фелюгах. Основная часть грузов — даров абхазской

68

земли — фрукты, цветы, древесина и др. — вывозилась через Сухумский порт. Привлекала приезжих экзотика сухумского базара и множество кофеен на набережной.

Обычно все отдыхающие в Сухуме посещали одну из главных его достопримечательностей — дендропарк, заложенный Н. Н. Смецким. В то время Смецкой был еще жив, и двери его гостеприимного дома были открыты для всех, желающих познакомиться с историей зарождения этого замечательного природного феномена. Во время своего отдыха Леонид Леонов неоднократно посещал Сухумский дендропарк, который произвел на него неизгладимое впечатление. Вот что сообщил об этом по нашей просьбе Леонид Максимович: «В Сухуме потряс меня сад Смецкаго.., кстати, именно там появилась моя общеизвестная ныне привязанность к ботанике и растительным редкостям, спустя почти четверть века после знакомства с этим садом, вылившаяся в защиту «зеленого друга» и позже в написании романа «Русский лес».

«В те годы, — вспоминает далее Леонид Леонов, — я был еще совсем молодым писателем... и пребывание мое в Сухуме, как и второй приезд в столицу Абхазии в 1934 году, остались незамеченными для местных литературных кругов.

Дневников я тогда не вел и поэтому вспомнить сейчас что-либо о днях своего пребывания в Абхазии спустя полвека, мне, конечно, очень трудно».

Именно во второй приезд Леонид Леонов и Бруно Ясенский в Гаграх в гостинице «Гагрипш» встретились с председателем ЦИК Абхазии Нестором Лакоба. По этому поводу бывший редактор газеты «Советская Абхазия» М. С. Шалашников в изданной в Сухуме книге «Потомки Абрскила» пишет: «Помню, приехал в Гагры. Выполнял поручение по проверке Гагринского курорта. Узнал, что Нестор Аполлонович остановился в «Гагрипше». Нужно было с ним посоветоваться. Решил зайти. Я застал Нестора Аполлоновича в кругу гостей из Москвы... Это был писатель Леонид Максимович Леонов, автор известной книги «Я жгу Париж» Бруно Ясенский, председатель правления Госбанка СССР Марьясин (бывший руководитель всеобуча, на недавно обнаруженном снимке, стоящий рядом с В. И. Лениным, принимающим парад всеобуча на Красной площади) и другие. Разговор, прерванный моим приходом, возобновился.

69

Он касался литературы отечественной и зарубежной, старой и новой, различных литературных течений и жанров, подчас доходил до тонкостей, в которых я, откровенно говоря, не разбирался. А Нестор Аполлонович то подливал масла в огонь полемики, то очень мягко, тактично оспаривал некоторые точки зрения, то говорил о том, чего не хватает в нашей литературе.

Нестор Аполлонович удивил меня, обнаружив глубокое знание жизни, наблюдательность, позволявшую ему видеть в отдельных фактах черты характерных явлений советской жизни: ее новь, героику, пафос. Царила тишина в комнате, когда он говорил.

Нестор Аполлонович как-то узнал, что Л. М. Леонов страстный коллекционер кактусов. Леонид Максимович признался, что хотел бы иметь кактус какого-то очень редкого вида, что в Абхазии он есть, но только в двух экземплярах. Коллекционеру было обещано желаемое. И ему, действительно, вскоре подарили этот редкий кактус».

70

## НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Выдающийся советский писатель и общественный деятель, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, Герой Социалистического Труда Николай Семенович Тихонов первый раз приезжает в Абхазию в середине двадцатых годов. В то время Тихонов, несмотря на молодость, был уже видным поэтом, опубликовавшим циклы стихов «Орда» и «Брага», овеянные революционной романтикой. Николай Тихонов и его спутники задались целью из Гудаут пройти к мысу Пицунда самым кратчайшим путем по обрывистому живописному берегу Мюссер, который лет сто назад был прибежищем контрабандистов. Согласно воспоминаниям писателя, они «...вышли к морю на такой песчаный пляж, каких на побережье мало. Песок атласный, чистый, чистый... Понежились, пока шли по этому волшебному песку. А кругом пустынно, жара, ветра никакого. Потом впереди открылась речка, перешли вброд. Потом вторая речка, пошире. Смотрю, мои спутницы входят в воду — вода до колена, потом выше, потом по грудь, потом — до плеч. Перешли — мокрые с ног до головы. Хорошо, солнце жарит нестерпимо, скоро высохли.

И опять вернулись к морю, идем по берегу. А берег над нами начинает возвышаться все круче. И камни в воде все больше. Но я вспомнил, что по дороге должно быть такое живописное место — Мюссера... И тут началось. Отвесный «берег подошел «к самому морю. Голову закинешь — высоко, высота метров шестьдесят, не меньше, видна листва, и оттуда сыплются камни, то маленькие, то довольно увесистые. Каждый мыс надо обходить по суше, потому что по воде нельзя: скала отвесная, не всюду пройдешь. А в воде такие скользкие камни, что по ним с трудом можно передвигаться. Руки на камень кладешь, чуть опустив в воду, и крабы бегут к ним со всех сторон...

Наша спутница шла впереди меня по скальному карнизу и должна была обогнуть очередной мыс. Но вдруг она так стремительно отскочила от поворота скалы, что

71

чуть не сшибла меня в море. Над ней в воздухе я увидел нечто вроде коричневого старого войлока. Я бросился вперед, — пишет Тихонов, — надо мной висел огромный бурый орел. В жизни я не видел так близко от себя разъяренную птицу. У него так злобно горели глаза, что я пустил в него обломком подвернувшегося под руку камня. Перед нами лежала туша дельфина, которую терзал стервятник. Он думал, что мы собираемся отнять ее у него. Но мы перешагнули через дельфина и пошли дальше. Орел, продолжая злобно клёкотать, опять принялся за свое.

Мы продолжали свой головоломный путь. По дороге в углублении между скал была вбита целая шхуна. Надпись на корме «Ураган». Вот уж действительно по капризу урагана она оказалась над нами. Я взобрался на скалу, посидел на борту шхуны, покурив папиросу, и мы отправились дальше, спеша до темноты выбраться из этого хаоса скал и волн» (1).

Знаменитую Пицундскую сосновую рощу, прежде охраняемую абхазами как священную, правительство объявило заповедной. Здесь поэт любовался уединенным берегам и реликтовой рощей, которой он посвятил восторженные стихи.

Пицундские сосны, я видел вас  
Во всей перевозданной красе.  
Когда вы стояли в полдневный час  
На пустой песчаной косе...

На заповедном мысу Николай Тихонов осмотрел руины древнего города Питиуса и средневековый величественный православный храм. Следует заметить, что этим выдающимся архитектурным сооружением с начала XIX века интересовались многие деятели русской культуры, а в 1845 году за его реставрацию взялся талантливый русский архитектор Петр Петрович Норов, который в труднейших условиях приступил к составлению проекта восстановления Пицундского храма. «Причем не кое-как, а с полным сохранением стиля этого сооружения» (2).

---

*1 Тихонов Николай. О времени и о себе. "Знамя", № 8, 1977, с. 104.*

*2 Тхоржевский Сергей. "Искатель истины", документальная повесть. Л., 1974, с. 44.*

72

К сожалению, старания Норева не получили поддержку, и он 18 ноября 1858 года скончался вдали от родных мест в Тифлисе.

Начиная с 1944 года Н. С. Тихонов все чаще бывает в различных уголках Кавказа и особенно в Тбилиси и Сухуми. Он собирает здесь материалы, связанные с подвигом воинов-кавказцев в годы Великой Отечественной войны. Результатом этой работы явилось создание цикла стихов.

Многие годы Н. С. Тихонов дружил с патриархом абхазской литературы. Он неоднократно бывал у него дама в Сухуми. Это не случайно, поскольку первым, с кем Н. Тихонов познакомился в Абхазии, был Дмитрий Иосифович Гулиа.

Николай Тихонов «...узнает от своего друга очень многое о людях этого края: об их обычаях и нравах, об их устном творчестве...» (3).

Однажды, будучи в гостях у Гулиа, Николаю Тихонову захотелось повидать места, откуда вышел Дмитрий Гулиа. Во время этой беседы присутствовали сын и дочь Гулиа — Георгий и Татьяна.

— Они пусть покажут вам эти места, если вы хотите их увидеть, — сказал Дмитрий Иосифович. — А там, где я родился, там ничего нет: только деревья стали большими...

Экскурсия в сопровождении «гидов», рекомендованных Дмитрием Гулиа,



состоялась.

— Мне рассказывали Таня и Жора, как вы ездили на Кодор.

— Ну, что видели?—поинтересовался Гулиа по воз-вращении Тихонова.

И радостно возбужденный Николай Тихонов поделился своими впечатлениями: рассказал о целых аллеях деревьев, которые он видел по дороге. На них брошены виноградные лозы, виноградные ветви свисают с самой вершины тополей.

— Как только достают их?

— Трудно доставать, конечно, но к деревьям приставляют длинные лестницы и так собирают виноград, — пояснил Дмитрий Гулиа. — Нынче говорят, что это от того, что лень было делать виноградники. Это не так.

---

*З Бгажба Х. С., Зеленский К. Л. Дмитрий Гулиа. Критико-биографический очерк. Сухуми, 1965, с. 159.*

73

Земли не было, это старый обычай — закидывать лозы на деревья.

— Видели еще мальчика с ястребом, — продолжал свой рассказ Тихонов. — Он сидел спокойно на руке. Мальчик с ним ходит ловить перепелов. Ястреб бьет без промаха. Такой вид охоты, признаюсь, первый раз видел...

На правом берегу бурного Кодора, «гиды» показали писателю, где происходило действие горьковского рассказа «Рождение человека» и родильный дом, построенный на этом месте.

— И как раз, когда мы там были, привезли роженицу черноволосую, такую молодую женщину — одним абхазцем больше стало, — закончил Тихонов свой рассказ Дмитрию Гулиа о своем путешествии к его родным местам (4).

Н. С. Тихонов в Сухуми встречался и с видным деятелем народного просвещения, общественным и государственным деятелем Андреем Максимовичем Чочуа. В беседах со старейшим деятелем просвещения Николай Тихонов интересовался состоянием народного просвещения, как абхазский читатель усваивает русский язык.

В беседе с выдающимся курортологом края профессором А. Л. Григолия Николай Тихонов интересовался минеральными источниками Абхазии. «...Когда я захотел своими глазами убедиться в том, что долина реки Авадхары считается одной из самых замечательных по красоте мест Кавказа, — вспоминает Н. Тихонов, — знаток здешних мест, ученый и исследователь-путешественник, профессор Григолия сказал, предупреждая:

— Очень прошу вас не пить ни из одного источника минеральных вод, которые вы встретите на каждом шагу в этой долине.

— Почему, — поинтересовался я, — не стоит из них пить?

— Потому, что они неисследованы и каково их действие на организм, никому пока неизвестно. Говорят, что есть такой силы вода, что сердце мертвого крысенка оживает...»

«Долина Авадхары расположена на высоте неболь-

---

*1 Тихонов Николай. Беседы в Стране Души, журнал "Знамя", № 1, 1954, сс. 63-64.*

шой — всего 1 700 метров. Она в самом деле очаровательна, — говорит Н. С. Тихонов. — На самом большом возвышении долины — полукруг камней, остатки какого-то совета вождей, который собирался здесь в древние времена. Воздух в долине похож на шербет: освежающий, вкусный, вдохновляющий. С ближних вершин тянет холодом тающих льдов и снегов, с моря входит в долину теплый воздух побережья. Смешиваясь, они создают какое-то слегка одурманивающее ощущение, как будто дышишь искусственно созданной атмосферой, дышишь — не надышишься!..» (5).

Николай Тихонов очень любил Абхазию и ее древний народ. В этом еще раз можно убедиться, прочитав предисловие, написанное им к сборнику Ивана Тарба «Дорога, которой нет конца...». «Абхазия — благословенный край. По-абхазски он называется Апсны, что значит «Страна души». И душа эта необыкновенная. В Абхазии с древности человека окружает огромный, богатый мир всевозможных красот: морские волны набегают на берега, которые были известны еще легендарным аргонавтам, горы снежными шапками окружают ущелья и долины, полные запахов первобытных лесов и роскошных лугов. Сегодня Абхазия край тропического богатства, белых санаториев, бесконечных плантаций чая, табака, цветов, цитрусовых... Но она полна еще иным богатством, оправдывая свое имя — «Страна души». Она полна народными песнями, сказаньями, преданьями, сказками и стихами...» (6).

---

1 Тихонов Николай. *О времени и о себе. "Знамя", № 8, 1977, с. 107.*

2 Тихонов Николай. *От стихах Ивана Тарбы (см.: Иван Тарба. Дорога, которой нет конца... М., "Художественная литература", 1976, сс. 3-4).*

## КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Выдающийся советский писатель, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, Герой Социалистического Труда Константин Михайлович Симонов впервые посетил Абхазию в суровые годы Великой Отечественной войны и с тех пор, на протяжении тридцати пяти лет, весной, летом или осенью посещал горячо полюбившуюся ему Абхазию. В Сухуми и Агудзерах (Гульрипш) Константин Симонов провел много дней зрелого периода своего творчества. Здесь писателем были созданы известные многоплановые произведения: главы из романа «Товарищи по оружию», «Живые и мертвые», «Солдатом не рождаются», а также множество публицистических статей. Здесь Симонов редактировал в 1953 году сборник стихов Ивана Тарба, который был издан в Москве. Здесь же он переводил стихи грузинских и абхазских поэтов, составлял и редактировал объемистую книгу стихов русских поэтов о Грузии. Наконец здесь он перевел многие главы романа народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба «Последний из ушедших», воскрешающие историческое прошлое района Большие Сочи. В Агудзерах Симонов написал послесловие к роману Дмитрия Гулиа «Камачич» и вступительную статью к избранным стихам Баграта Шинкуба,

вышедшим в Москве в 1976 году в издательстве «Художественная литература». К. М. Симонов пишет: «Абхазия страна долгожителей и одновременно страна поэтов. Стихи и песни сопутствуют здесь человеку всю его жизнь. И столетние абхазские крестьяне, встретившие революцию уже немолодыми людьми, опоздав обучиться грамоте, тем не менее держат в памяти и стихи своего ровесника, основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа, и стихи таких молодых, по сравнению с ним, еще даже не шестидесятилетних людей, как Баграт Шинкуба, и стихи совсем молодых людей, годящихся им во внуки, в правнуки, продолжающих сегодня создавать поэзию на родном языке». Константин Симонов выразил свое отношение и к

76

стихам известного абхазского советского писателя Ивана Тарба. «Иван Тарба широко известен в Абхазии и как поэт, и как прозаик. Известен он и русскому читателю — за последние двадцать лет на русском языке вышло несколько книг и его прозы, и его стихов, так что мне нет нужды представлять его читателям «Литературной газеты». Мне лишь хочется отметить то новое и, на мой взгляд, любопытное, что наметилось в последней книге стихов Ивана Тарбы «Книга песен», переведенной с абхазского на русский язык...

В этой книге Иван Тарба, как мне кажется, нащупывает новый для себя путь использования народной традиционной поэзии. Он не стилизует свои стихи под старые народные песни, не подражает их форме, не увлекается архаикой. Секрет его книги в другом, он как бы переводит на язык современной лирики то, что услышал в детстве и юности, переводит то, что переводимо, то, что в духовной сердцевине своей не обветшало и не может обветшать, ибо связано с такими чертами народного духа и нравственных традиций, которые живут, не осыпаясь на наших глазах, как прошлогодняя листва.

«Книга песен» — это современная лирика, современные стихи о любви, дружбе, разуме. И в то же время в них слышатся отзвуки тех старых песен, судьба которых — оставаться молодыми» (1).

Поводом для статьи «Удивительное рядом» послужил К. Симонову, как отмечает он, выход в издательстве «Советский писатель» в переводе Риммы Казаковой романа в стихах «Песня о скале», принадлежащий перу народного поэта Абхазии Баграта Шинкубы (2).

На Агудзерской даче Симоновым было написано предисловие к интересной книге члена-корреспондента Академии наук ГССР профессора Г. А. Дзидзария «Декабристы в Абхазии».

Из Агудзеры Симонов часто ездил в Сухуми в гости к своему старшему другу Дмитрию Иосифовичу Гулиа, а когда патриарх абхазской литературы в мае 1958 года рядом с Симоновым построил дачу в Агудзерах, он стал еще чаще навещать его. «Я живу на самом берегу моря в селе Гульрипш, — пишет Константин Симонов, — со-

---

1 "Литературная газета", 1973, 21 ноября.

2 "Правда", 1968, 8 мая.

всем недалеко от маленькой каменной белой дачи, построенной в последние годы жизни Дмитрия Иосифовича. Он приезжал сюда, когда она строилась, а потом в разные времена года жил в ней, сидел в погожие дни на той маленькой веранде, мимо которой я хожу по два раза на дню на почту и с почты».

7 апреля 1960 года сердце 86-летнего Д. И. Гулиа перестало биться. В то время Константин Симонов находился в Ташкенте и, узнав о горе, постигшем Абхазию, срочно пишет статью для «Литературной газеты» под названием «Черты облика», где можно прочесть следующие строки: «Дмитрий Гулиа... прожил сорок три года до революции и сорок три года после нее. Эта вторая половина жизни тоже была бурной. Достаточно просто подумать, чем была Абхазия в 1917 году и чем она стала сейчас, чтобы представить себе, из каких беспрестанных трудов, забот и борьбы состояла жизнь человека, составившего первый абхазский букварь, напечатавшего первые абхазские стихи, написавшего на своем языке первую пьесу и первый роман, открывшего первый театр и создавшего первые академические труды по истории своего народа.

Эта удивительная жизнь мальчика из абхазской деревни, молодого сельского учителя девяностых годов прошлого века, ставшего сначала великим просветителем своего маленького народа, а потом писателем и поэтом, известным в громадной двухсотмиллионной стране, — такая жизнь, конечно, граничит с подвигом, а быть может, и является им».

В другой статье Симонов пишет: «Я люблю этот край, люблю вблизи и люблю издали. С первых дней знакомства, а потом и душевной близости этот край был связан для меня с именем и личностью Дмитрия Гулиа. Его дом для меня стал дверью в эту страну. Да только ли для меня? Есть много людей, которые вместе со мной могут повторить мои слова.

В этом доме, простроенном так, что, пожалуй, он был больше удобен для гостей, чем для хозяев, часто бывало шумно, потому что сюда приходило и приезжало много людей...» (3). Именно в этом доме во время открытия мемориального музея имени Д. И. Гулиа 22 сентября 1974 года Константин Симонов сделал следующую за-

---

3 "Советская Абхазия", 1980, 7 июля.

пись: «Здесь жил и работал человек удивительного мужества, большого таланта и редкой душевной красоты. Я принадлежу к числу тех, уже немолодых людей, кто помнит его не только литературный и общественный подвиг, но и его самого, сидящем вон там — на маленьком балкончике этого дома, в том самом деревянном кресле; он любил сидеть там, поглядывая на улицу и поджидая друзей, которым предстояло, пройдя по двору, подняться наверх по этой узенькой лестнице и войти в его гостеприимный дом.

Мне кажется, что и сегодня он сидит и поджидает друзей. Их будет много в этом доме — и разных поколений, и разных наций».

К. М. Симонов на протяжении многих лет дружил не только с основоположником абхазской литературы, но и с его учениками и последователями: Багратам Шинкуба, Иваном Тарба и другими. С особым вниманием относился он и к творчеству сына Дмитрия Гулиа — Георгия, впервые с которым познакомился еще в 1948 году в Сухуми. Здесь он прочитал рукопись повести Георгия Гулиа «Весна в Сакене», одобрил ее и опубликовал в редактируемом им тогда журнале «Новый мир», а спустя год это талантливое художественное произведение было удостоено Государственной премии СССР.

В 1949 году Симонов, уже будучи главным редактором «Литературной газеты», предложил Георгию Гулиа переехать на постоянное жительство в Москву и быть членом редколлегии этого всесоюзного писательского органа.

Константин Симонов горячо любил Абхазию и ее аборигенов — абхазов. Он часто совершал экскурсии по природным достопримечательностям. Автор этих строк неоднократно сопровождал писателя по Абхазии. С особым интересом он знакомился с древнейшими архитектурными сооружениями Абхазии, свидетелями многовековой истории и культуры народа. Мимо его внимания не проходили и места, связанные с выдающимися писателями и деятелями культуры, в разное время посещавшие Абхазию и оставившие в своем творчестве заметный след об этом крае и его народе.

Однажды Константин Михайлович мне сказал, чтобы я всерьез занялся изучением пребывания русских писателей на Черноморском побережье Кавказа. И это, по-

79

жалуй, послужило поводом для настоящей работы.

В ноябре 1975 года исполнилось шестьдесят лет Константину Симонову. Дату рождения писателя широко отмечали по всей стране и в братских социалистических странах. Ведущие литераторы республики в газетах и журналах тоже опубликовали статьи о Симонове. В статье «Наш большой друг» Иван Тарба справедливо отмечал: «Много друзей у Симонова в Абхазии. Он лично знает всех писателей нашей республики и дружит с ними. Но круг его друзей не ограничивается только литераторами, это — работники науки и культуры, колхозники и рабочие, деятели всех сфер нашей жизни. Особая дружба у Симонова с долгожителями Абхазии. Он знает их почти всех, часто бывает у них в гостях и всегда с неослабевающим интересом слушает их мудрые рассказы» (4).

В то же время в Абхазском государственном издательстве «Алашара» вышел в свет поэтический сборник Константина Симонова на абхазском языке. В книге были опубликованы избранные стихотворения — это в основном лирика военных лет, пользующаяся большой популярностью у советских читателей. Стихи К. Симонова на абхазский язык перевели Б. Шинкуба, И. Тарба, М. Ласуриа, К. Ломиа, А. Джонуа, Г. Гублиа, Н. Квициниа, В. Анкваб, П. Бебиа.

Спустя семь месяцев в переполненном зале Абхазского государственного театра им. С. Чанба состоялся вечер встречи с Константином Симоновым. На вечере выступили Багратам Шинкуба, Иван Тарба, Карло Каладзе, Алексей Джонуа, Георгий Гублиа и другие творческие работники.

Смерть Константина Симонова — большого и искреннего друга абхазского народа

и всех трудящихся нашей многонациональной автономной республики с большой грустью отозвалась во всех уголках Абхазии. А его абхазские собратья по перу Баграт Шинкуба и Иван Тарба посвятили его памяти свои стихи. Семья Константина Симонова решила сохранить не только дачу, но ту обстановку, какая была при жизни писателя-гуманиста.

---

4 "Советская Абхазия", 1976, 4 июня.

80

В настоящее время Союз писателей Абхазии совместно с Абхазским отделом Главного управления охраны и использования памятников культуры и природы Министерства культуры Грузинской ССР разрабатывает мероприятия по превращению этого любимого места отдыха и творчества заслуженного деятеля искусств Абхазской АССР К. М. Симонова в мемориальный музей-кабинет филиала Литературного музея Д. И. Гулиа.

81

### **АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ**

Великий русский советский поэт, лауреат Ленинской премии, Александр Трифонович Твардовский неоднократно бывал в Абхазии. Особенно памятно было для Абхазии его посещение летом 1969 года, когда он остановился в домике у агудзерской жительницы тети Паши и работал над своими произведениями. По словам Константина Симонова, Твардовский вставал рано и с палочкой в руках сразу шел к морю. Похаживал там, пошвыривал палочкой гальку, купался и сидел на берегу, глядя на море...

Пребывание Твардовского в Агудзера совпало с днем его рождения. Поздравить поэта пришли его абхазские и грузинские собратья по перу: Баграт Шинкуба, Иван Тарба, Нодар Думбадзе и другие.

Будучи на отдыхе А. Т. Твардовский услышал от известного абхазского скульптора Марины Эшба, что в Сухуми вот уже много лет живет и работает одна из старейших русских художников Варвара Дмитриевна Бубнова. Она родилась в 1886 году и поныне живет и работает в Сухуми. Оригинальные и талантливые работы В. Д. Бубновой в свое время экспонировались на выставках Японии, Франции, США, а в последнее десятилетие в Москве, Ленинграде, Архангельске, Тбилиси и Сухуми.

По воспоминаниям В. Д. Бубновой, посетил ее мастерскую Александр Твардовский вместе с женой Марией Илларионовной, молча стал рассматривать ее акварели. «В некоторые он всматривался подолгу, отдалял, и приближал их к глазам, будто стараясь понять скрытые в них мысли. Вероятно, как многие художники, я не была слишком высокого мнения о своих работах и боялась, что от напряженного внимания поэт утомится... В мастерской было тесно, я сидела за спиной Твардовского, не видела его лица, он молчал. С некоторым смущением я заговорила о том, что волновало меня, я сказала ему приблизительно следующее: «Я пишу статьи о теории живописи, чтобы помочь молодым художникам, кото-

рые не находят помощи от своих учителей или от школ, я говорю в них о сущности искусства живописи, особенно о живописи изобразительной, об общности ее конечных целей с целями других великих искусств, о принципах самой изобразительности и о ее рабочих путях. Как художник старший по возрасту, видевший и изучивший изобразительную живопись многих эпох, разных стран и народов, имевшая счастье встретить настоящих руководителей и учителей по теории и практике искусства живописи, я считаю своим долгом передать моим товарищам по работе мои знания и мой опыт». После паузы я прибавила: «Опубликовать мои статьи мне не удастся...». Твардовский молчал. Потом он сказал: «Искусству учиться нельзя. Я не учился, но вот пишу...» Вскоре он встал и стал прощаться. Он мне показался очень утомленным. Может быть, в этом была виной моя длинная неловкая тирада?

В передней, куда я проводила моих гостей, Мария Илларионовна подошла ко мне и тихо сказала: «Пошлите ему Ваши статьи, он их прочтет».

После этой встречи между В. Д. Бубновой и А. Т. Твардовским завязалась переписка. Приведем некоторые выдержки из писем А. Т. Твардовского к В. Д. Бубновой. Так, в письме от 24 декабря 1968 года сказано: «Дорогая Варвара Дмитриевна! Хочу поздравить Вас с Новым годом, не беспредметно и не формы ради. Рад сообщить Вам, что статью Вашу прочел «одним дыхом». Я невежда в том, что Вы делаете кистью и т. п. орудиями, по в том, что (и как!) Вы пишете пером, позволяю себе думать, кое-чего соображаю. Это — великолепно: умно, изящно, немногословно и ясно».

В другом письме от 4 марта 1969 года писатель пишет: «Многоуважаемая и дорогая Варвара Дмитриевна!.. Ваше сообщение о работе над «Эпопеей» очень интересно. Благодарите бога, что он Вас сподобил светлой головой п великолепной энергией для этого дела. Когда будет что-то округляться на два, три, пять и т. д. листов, присылайте. Почти уверен, что должно быть хорошо. Будьте здоровы, молодой писатель, растите и совершенствуйтесь...»

Во время пребывания в Абхазии А. Т. Твардовский побывал на могиле основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа и возложил цветы. Он также по-

сетил квартиры народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба и известного абхазского поэта-сатирика Киршала Чачхалиа. Во время этой встречи со своими абхазскими собратьями Александр Трифонович имел беседу об абхазской литературе и подарил свои книги с автографом. Так, в одной из них можно прочесть следующие строки: «Милому дому Киршала ... Чачхалиа с доброй памятью, на добрую память А. Твардовский».

Осенью 1968 года А. Т. Твардовский посетил редакцию журнала «Алашара». В то время редактором его был ныне покойный известный абхазский поэт Чичико Джонуа. Сопровождали гостя народный поэт Баграт Шинкуба, поэты Иван Тарба и Константин Ломиа. Из сотрудников журнала присутствовали Алексей Гогуа, ныне

редактор детского журнала «Амцабз», Николай Квициния и другие. Твардовский поделился с собравшимися опытом работы редакции журнала «Новый мир», интересовался отделом очерка и публицистики. Он говорил о значении, документальной литературы, реалистических очерков, публицистики. Очень интересно и подробно отвечал на вопросы сотрудников редакции. Как вспоминает Н. Р. Акаба, хорошо знавший Твардовского, они договорились съездить на открытый тогда новый замечательный абхазский курорт Пицунда. Вскоре поездка состоялась, в ней принял участие Б. В. Шинкуба. В пути следования останавливались в Новом Афоне, Гудауте, Мюссере. Твардовский восхищался красотой природы Абхазии, историей и бытом абхазов, памятниками материальной и духовной культуры народа, экономикой республики, культурами чая и цитрусовых. Стояла чудная погода, после купания и прогулки в знаменитой Пицундской сосновой роще и по набережной у всех было отличное, можно сказать, лирическое настроение. Уже вечерело. Собрались в люксе пансионата и попросили Александра Трифоновича прочесть свои новые стихи, поддержала их и Мария Илларионовна, однако писатель не спешил. — Ладно, — сказал он наконец, — я прочту новую поэму, и добавил: — Думается, не скоро она будет опубликована. — И он начал читать. Читал своим естествен-

84

ным, чистым голосом. Чувствовалось, что автор в поэме раскрывает свою душу, чувства, настроение.

Поэма произвела неизгладимое впечатление. У Марии Илларионовны текли слезы. Временами А. Т. Твардовский останавливался, наступало полное молчание, потом завязывалась оживленная беседа.

В одном из своих писем от 11 января 1973 года Мария Илларионовна писала: «Помню чтение в Пицунде, которое помогло ему иначе взглянуть на свою почти уже законченную работу и взяться за ее усовершенствование».

Когда чтение закончилось, южная темная ночь постепенно стала рассеиваться, наступало утро. Легкий ужин нетронутым стоял на столе.

85

## **МИХАИЛ СВЕТЛОВ**

Известный советский поэт Михаил Светлов впервые побывал в Абхазии в 1927 году, когда он отдыхал в Сочи в доме отдыха «Работников печати». В письме тогдашнему редактору журнала «Новый мир» В. П. Полонскому поэт писал: «Я с Черным морем в большой дружбе: оно не кидает в меня ни одним циклоном, я не читал ему ни одного упадочного стихотворения. Как здесь чудесно! Какое роскошное солнце! Это солнце неизмеримо дальше от меня, чем Москва, но греет оно куда лучше, чем Москва. Я вспоминаю эти пыльные улицы, эти поиски строчек среди бульжников, я вздрагиваю. Я бы хотел здесь жить вечно, но это мечта несбыточная...»

В дальнейшем Михаил Светлов близко знакомится с грузинской и абхазской



литературой. Он в Сухуми и Москве переводит абхазских поэтов. Посещая Сухуми, Михаил Светлов часто бывает в доме выдающегося курортолога Абхазии профессора А. Л. Григолия. Его отношения к этому гостеприимному дому говорит сделанная им надпись к томику его стихов «Горизонт»:

«Всегда душою всей лечу  
Я к Александру Лукичу! М. Светлов. 29.VII.60».

А на фотографии поэта, подаренной дочери Александра Лукича Медее Григолия, со свойственным поэту юмором сказано:

«Медее, полюби своего  
зятя Юдея. Самый красивый  
мужчина в мире».

Михаил Светлов был женат на ее двоюродной сестре Родам Ираклиевне, родной сестре известного грузинского писателя Чабуа Амирэджиби. Вот что сообщила она нам о последнем приезде Михаила Светлова в полюбившийся ему Сухуми. «Был жаркий, летний день. К сухумскому причалу, как огромный белый лебедь, под-

86

плыл теплоход «Россия». Я с кузиной встречала Михаила Аркадьевича Светлова. Он отдыхал в Коктебеле. Теплоход постепенно уменьшал ход, и вот он уже у причала. На палубе суетились люди, у всех были радостные и оживленные лица. Но Миши не было видно. Вдруг с трапа послышался слабый голос: «Родамчик!» Мы обернулись, с трапа, еле-еле передвигаясь, спускался Миша с чемоданом в руке. Мне стало не по себе, когда я увидела жизнерадостного, остроумного человека таким изможденным, у меня навернулись слезы. Родам подбежала к супругу, выхватила чемодан и поцеловала его в пожелтевшую щеку. Я обняла его, а он, почувствовав мое состояние, тихо сказал: «Родственница, я правда, не тот герой, которого ты знала раньше. Но все-таки женщины в меня влюбляются». А помолчав немного, торжественно произнес: «Да, все-таки бабы в меня влюбляются, как по-твоему, правда, я очаровательный мужчина (мужик)». Я что-то пробормотала, и мы поехали домой. Дома нас ждали с нетерпением. Встреча была теплой, чувствовалось, что он с большой любовью относится к своим друзьям и родственникам. Обращаясь к моей маме, он тихо сказал: «Что, захирел ваш зять?» Тут посыпались ободряющие слова, папа, посмотрев на него, шепотом сказал ему: «Вот до чего доводят женщины». Оба весело рассмеялись. Потом он попросил умыться и отдохнуть. Когда я заглянула в комнату, он приоткрыл глаза. Мне стало жутко, на постели лежал бледно-желтого цвета, худой, уставший от нестерпимых болей, человек. Рядом с ним спала его супруга. Он подозвал меня к себе и шепнул на ухо: «Посмотри, какая она красивая! Если б ты знала, как я ее люблю и кому же я ее оставляю!» Во время обеда разговор не клеился, потом он вышел во двор, вдохнул воздух

всей грудью и сказал: «Вероятно, в последний раз...»

87

## АРКАДИЙ ПЕРВЕНЦЕВ

Известный советский прозаик Аркадий Алексеевич Первенцев давно любил Абхазию. Еще в 1912 году любознательный мальчик впервые побывал на ее побережье. Навсегда остался в его памяти живописный уголок этой древней земли — Новый Афон, где вплотную подступив к морю, освещенные ярким солнцем, вздымались над монастырскими постройками Афонская и Иверская горы, покрытые вечнозеленой растительностью. Неизгладимое впечатление оставило на будущего писателя ущелье реки Псырцха и Ман-Иквара. Будучи уже взрослым, Аркадий Первенцев, бывая в Абхазии, непременно ездил в Новый Афон и каждый раз любовался его красотами.

У Аркадия Первенцева много друзей и почитателей его таланта. Когда он узнал, что я работаю над книгой о пребывании русских писателей в Абхазии, то сразу откликнулся. «Что можно сказать об этой воистину сказочной, благодатной стране? — пишет он. — Действительно, летящий бог обронил кусок цветущей земли, пролетая возле Черного моря. Нельзя вообразить себе лучше этого благодатного края. Вечно теплый климат, лазурное море, буйная растительность, где возле моря преобладают тропические и субтропические растения, горы с их долинами, ущельями, бурными потоками ключевых вод; птицы, животные; склоны, разделанные филигранно руками трудолюбивых крестьян. И сами крестьяне с их честностью, прямоотой, гостеприимством, которое не знает границ, сам аромат построек, освещенных солнцем, пахнущем деревом, чисто библейских сортов.

Легко дышится в Абхазии. Приехав сюда, забываешь все невзгоды, сутолоку, огорчения. Выйдя на набережную Сухуми, уже ощущаешь неистребимый аромат какой-то грядущей эпохи и вместе с жизнью города, трудолюбивого и жизнедеятельного, видишь уютные кафе, разумных и гордых посетителей, печи с хачапури, светлое, непьянящее, а веселящее дух вино.

Да, я люблю Абхазию и она мне дорога по самым

88

юным впечатлениям, когда, еще будучи семилетним мальчиком, я попал в Новый Афон и во мне навсегда осталось воспоминание об этом крае, как о каком-то Эльдорадо.

Я был во время войны в Сухуми. Это был спокойный бдительный город. Никто не паниковал, не убегал отсюда, даже когда во время нашего пребывания на него упала вражеская бомба. Прифронтовой город. перевалочный порт. Строгая напряженность. Разумная деятельность государственного аппарата.

Мы отсюда уехали на фронт по шоссе до самого Геленджика. Началась эпопея Малой земли, Новороссийска, в котором мы принимали участие.

Вскоре после войны я приехал в этот город. Он быстро включился в мирную жизнь. Работали предприятия. Благоденствовал рынок. Крестьяне везли с гор на

ослах свои продукты. Вернувшиеся с фронта солдаты засучили рукава пропахших порохом и потом гимнастеров.

Над советской литературой возвышался могучий дуб с сильными корневищами — незабываемый Дмитрий Гулиа. Он стал нашим наставником и соратником. В его доме собирались писатели, ставшие друзьями — Ласуриа, Тарба, Шинкуба... Хорошо писалось в Сухуми. Отсюда я ходил с морскими пограничниками в ночные рейды, они собирались у меня в гостинице «Абхазия» в номере, с выходящим балконом на море. Здесь мной были написаны рассказы «Степка», «На траверзе Инди», ряд статей в «Известия» и другие газеты, запоминающийся рассказ о летчике Азизе Авидзба. Здесь писал я роман «Честь смолоду» и рассказ «Валька с торпедной девятки» и многое другое.

Всегда я приезжал в Сухуми как домой... Особенно хочу отметить гостеприимных Гулиа и самого патриарха и его талантливое сына Георгия, сестру Татьяну, добрую и светлую мать Елену Андреевну.

Незабываема память об Абхазии, стране солнца, моря, зелени гор и долин и прекрасных милых людей, с которыми так легко и надежно...».

Аркадий Первенцев хорошо изучил Абхазию, его историю, культуру, нравы и обычаи народа. Это в полной мере получило отражение в рассказе «На траверзе Инди». В нем Первенцев пишет: «Надо сказать, редко

89

можно встретить людей более приветливых и гостеприимных, нежели абхазские крестьяне. Они не знают, куда усадить гостя и чем его накормить. Абхазец может потом месяц вести весьма скромное существование, но гость должен получить все... За столом, где угощали радушно и без назойливости, сидели только мужчины. Абхазцы в редких случаях приглашают за стол своих женщин. Поэтому за абхазским званым столом бывает скучно и несколько официально...».

Рассказ об Азизе Авидзба писатель написал с большой теплотой. Здесь речь идет о мужественном человеке, который около четверти века отдал отечественной авиации. Летать он начал еще до войны на учебных самолетах в Сухумском аэроклубе. Многие жители Абхазии и сейчас помнят смелые показательные полеты Азиза Авидзба. Впоследствии он подготовил многих пилотов высокого класса. Будучи спортсменом-перворазрядником Центрального клуба им. В. П. Чкалова Азиз Авидзба установил первый в истории авиационного спорта мировой рекорд на вертолете; на машине весом до трех тысяч килограммов он пролетел сто километров по замкнутому кругу за 34 мин. 18 сек.

Рассказ об Азизе Авидзба на абхазский перевел Константин Ломиа, а опубликовал его перевод журнал «Алашара».

Аркадий Первенцев много раз бывал в горных абхазских селах, посещал дома колхозников, интересовался их повседневной жизнью. Побывал он и в селе Поквеш, в доме, где родился известный абхазский поэт и сатирик Киршал Чачхалиа. В сухумской квартире Киршала Чачхалиа бережно хранится дарственная книга Аркадия Первенцева со следующей надписью: «Дорогому Киршалу на добрую память в знак давней дружбы в горах Абхазии. Аркадий Первенцев. 6.II.1961. Москва».

## ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Известный советский сатирик Леонид Сергеевич (Попов) Ленч на наш вопрос, когда он первый раз познакомился с Абхазией, ответил: «Я не помню, когда я в первый раз приехал в Абхазию, наверное, это было еще до войны. Было какое-то веселое путешествие на прогулочном теплоходе Одесса—Батуми, была остановка в Сухумском порту, была беззаботная молодость с ее готовностью все принять и все полюбить, и было много солнца и много самого синего на свете Черного моря. И был удивительный бело-зеленый город с красивыми — через одну — женщинами яркого южного типа и улыбающимися белозубыми загорелыми атлетами в майках и белых брюках на его улицах.

Пассажиры пошли «смотреть обезьян» в знаменитый питомник, и я тоже пошел, хотя зной был невыносим и лучше было бы просто посидеть в кафе на берегу, потягивая превосходное белое вино — и помечтать, подумать.

Обезьяны прыгали, визгливо кричали, цепляясь хвостами за все, за что могли зацепиться...

У меня тогда возник в голове сюжет юмористического рассказа, действующими лицами которого были молодой человек — агент конторы Утильпромсбыта Паша Падалицын, заезжая американская туристка-миллионерша и обезьянка, похитившая у Паши его путевку в санаторий. Рассказ я написал, он был опубликован в «Крокодиле» и даже включен в мой однотомник, выпущенный в свет в 1975 году — издательством «Художественная литература».

В 1966 году Леонид Ленч приезжает в Сухуми в качестве руководителя делегации Союза писателей СССР на второй съезд писателей Абхазии. Он приветствовал съезд от имени правления Союза писателей СССР, правления Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

«Мне посчастливилось давным-давно окунуться в глубину замечательной абхазской поэзии, — вспоминает Леонид Ленч. — Я перевел несколько юмористических

91

рассказов Дмитрия Иосифовича Гулиа и с тех пор нахожусь под благотворным впечатлением абхазской поэзии. В юморе и песнях раскрывается душа народа. Песни и стихи Дмитрия Иосифовича помогли мне познать душу людей, живущих в этом замечательном краю. Абхазский народ велик духовно. Он чуткий, нежный, веселый, гордый. Заслуга Д. Гулиа, а также новеллиста Михаила Лакербай в том, что они смогли передать в своих произведениях все прекрасное родного народа» (1).

В этот приезд, как отмечает писатель, он «ближе увидел не только пышное очарование абхазских субтропиков, но и, как мне кажется, — постиг в чем-то очень существенном главное богатство этой вечнозеленой жемчужины нашей Родины — благородное, честное, прямодушное сердце абхазского народа. Я говорил по душам с мудрыми абхазскими деревенскими стариками и старухами (в этих беседах моими толмачами были абхазские писатели), с партийными

работниками всех рангов и, конечно, опять с теми же абхазскими писателями, веселыми и умными собеседниками. Думаю, что я имею право назвать их всех, не перечисляя каждого отдельно по имени, фамилии и чину-званию, своими друзьями.

Абхазия — моя радость, а они, ее певцы и ее мыслители — полпреды этой Радости.

Запомнился мне один молодой сухумский поэт, к сожалению, имя его ускользнуло из моей памяти. (Имеется в виду ныне известный абхазский поэт и переводчик Мушни Ласуриа. — В. П.). Мы гуляли с ним по городу, и он читал мне «Евгения Онегина» в своем переводе на абхазский. Наверное, дьявольски трудно было передать орлиным клёкотом абхазского языка, почти лишенного гласных звуков, все эти раскатистые, плавные пушкинские гласные. А он передал, и Пушкин на орлином языке Абхазии звучал прекрасно, и радость моя от встречи с ней стала еще светлее и еще радостнее».

Леонид Ленч, близко познакомившись с абхазской литературой, стал переводить не только Дмитрия Гулиа (2), но и писателей более молодого поколения. Так,

---

1 "Советская Абхазия", 1966, 7 мая.

2 Маленькие рассказы Д. И. Гулиа Леонид Ленч сравнивал с раковинами, раскрывая которые находили внутри жемчужину. Он прочел их на творческом вечере Д. И. Гулиа в Москве в мае 1954 года.

92

в его переводе было опубликовано несколько рассказов, известного абхазского писателя Шалодиа Аджинджала, с которым у него установилась тесная дружба и оживленная переписка. Так, в письме от 16.VIII.1976 г. писатель Леонид Ленч пишет: «Дорогой Шалодиа! Как вы живете? От Вас ни слуху, ни духу. Вас, наверное, совсем придавила пучина партийных дел. Вы, наверное, слышали, что при Мосфильме открылось комедийное объединение. Во главе его стоят режиссеры Рязанов, Данелия и Чулюкин. План — 5 комедий в год. В связи с этим я вспомнил о Вашем сюжете (с портфелем) для сатирической кинокомедии. Если он у Вас еще не «заделан» — можно было бы нам с Вами за него взяться. Для этого нужно, чтобы Вы прислали мне запись сюжета и от нашего имени предложить Объединению. Если она будет утверждена — последует договор и работа с режиссером. Тогда практически решим все остальное. Срочно сообщите мне Ваше решение...»

93

## **ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО**

Известный советский поэт Евгений Евтушенко еще с юношеских лет полюбил Абхазию. Первый раз он приехал к лазурным берегам Колхиды и впервые увидел море в 1952 году, когда и состоялось его знакомство с краем и с местными поэтами, в частности, с Иваном Тарба. Второй раз он прибыл в Сухуми будучи студентом литературного института им. Горького и гостил у своего друга,

талантливому абхазскому поэту Алексею Ласуриа. Алеша, как его запросто называли друзья, в то время жил в одной комнате на четвертом этаже по улице Ленина. Так как Евтушенко приехал с женой, то Алеша с семьей перешел к знакомым, уступив гостям на лето свою комнату. Во время своего пребывания в Сухуми поэт работал над новыми стихами и встречался с друзьями Алексея Ласуриа, молодыми абхазскими поэтами и прозаиками Константином Ломиа, Алексеем Гогуа и другими, читал им свои стихи. На одной из этих встреч я и познакомился с ним. В дальнейшем Евтушенко много раз приезжал в Абхазию и останавливался в Агудзерах на даче местного литератора и переводчика Александра Дубровского.

Евтушенко не только работал над своими новыми произведениями, но и переводил абхазских поэтов Ивана Тарба, Георгия Гублия и других. Он много путешествовал по Абхазии, побывал в горных селах, изучал жизнь народа, ходил по труднопроходимым тропам. Крепкая дружба связывает его с поэтом Иваном Тарба, которому он посвятил стихи.

В Гаграх Евтушенко написал много стихов. В вышедшей в 1975 г. книге «Отцовский слух» есть стихотворение «Удивительный памятник», где поэт пишет:

У подножья Гагринского хребта  
есть удивительный памятник,  
Грбовая плита...  
Строго траурен цвет,  
но печали в нем нет,

94

потому, что ревком ненавязчиво  
в этом камне воспет...

У Евтушенко в Гаграх много друзей и поклонников его таланта. Один из молодых прозаиков Константин Гердов вот как ответил на мой вопрос о его отношении к творчеству Евтушенко: «Стихи Евгения Евтушенко знал и любил с самого отрочества, с юности. С первой песни, которую я запомнил и полюбил «Мы на фронтах с отцами рядом бились!..» из кинофильма «На графских развалинах», я вот и затосковал по Евтушенко. И тем более было радостно, что и личное знакомство со знаменитым поэтом состоялось на родине, в Гаграх, в 1969 году, осенью. Евтушенко понял меня сразу, поддержал, сказал мне, что я есть тот самый случай, когда нужно обязательно писать...»

В Гаграх Евгений Евтушенко переводил стихи абхазских поэтов, редактировал книгу Константина Гердова «Лицо встречи». В предисловии к этой книге Евтушенко пишет: «Гердов прекрасно чувствует не только море, но и землю Абхазии, и главное — руки людей, возделывающих эту землю, дарящих ей свой труд, свою любовь. Именно таких людей Гердов называет «Опорой земли»...

В 1976 году Евгений Евтушенко в Гаграх, в Доме творчества, работал над романом «Ягодные места», посвященном сибирской земле.

За последние годы Евтушенко все чаще и чаще приезжает в Абхазию. Здесь в

Агудзерах, в этом писательском уголке на берегу моря, он построил себе дачу.

95

## СЕРГЕЙ СМИРНОВ

Известный советский поэт Сергей Смирнов родился в Ялте. Книга его стихов «Таврида — родина моя» является творческой данью поэту родному краю. В Абхазии же Сергею Смирнову хотелось побывать давно. Но это удалось ему сделать лишь в 1940 году, когда он вместе с группой студентов-выпускников Литературного института имени А. М. Горького отправился пешком в поход по местам странствий Алексея Пешкова. «Нам захотелось узнать свою родину поближе, — рассказывает Сергей Смирнов, — померять ее просторы своими шагами, а потом написать обо всем увиденном, услышанном и перечувствованном стихи и рассказы от первого лица...» Путь молодых землепроходцев начался от города Горького, они по Волге, Дону, через Украину, а затем от Одессы до Крыма, из Керчи переправились на Кавказский берег. В Туапсе молодые путешественники приняли решение держать путь-дорогу по берегу Черного моря, на Сухуми. Легко одетые, шагали они по земле и радовались тому, что «осень, следовавшая по пятам, отстала от них и осталась за проливом в Крыму. Мы, как очарованные странники, любовались окрестными красотами, а они разворачивались перед нами одна другой краше, солнце Закавказья добавляло нам загара, море смывало нашу усталость. Мы устраивали краткие привалы в самых живописных местах, и снова в путь среди садов и виноградников, сквозь непролазные стены лесных просторов, с диковинными деревьями, названия которых были неведомы. Мне особенно памятна встреча с реликтовыми соснами Пицунды. Подумать только — ты делаешь привал под лапчатами ветвями деревьев, с какой-то необычно крупной и длинной хвоей, а рядом Черное море. Оно шумит и в тон ему тоже шумит, на свой лад, хвойное море этих загадочных сосен, самых древних на побережье, пришедших в сегодняшний день из доисторических времен. Никогда не забудется та стокрасочная осень и дни нашего визита в Сухуми. Город белого камня и вечной

96

зелени. Слоновьи ноги пальм и вечно молодые опахала пальмовых крон, торжественность колоннообразных кипарисов, кусты роз, еще не опаленные холодом. А может быть здесь вообще не бывает губительных холодов? И, конечно, же, очень и очень памятно для нас радушие сухумцев. Наши путевые стихи и прозаические зарисовки незамедлительно были взяты в газету и на радио, со всех сторон посыпались предложения выступить в санаториях и домах отдыха».

В годы Великой Отечественной войны молодой поэт Сергей Смирнов добровольцем отправился на фронт защищать Москву. «В суровых фронтовых землянках, рядом с героями создавал С. Смирнов свои стихотворения, баллады и песни...» (1). Тогда погибли все его довоенные дневники и записи, в том числе и

данные об Абхазии.

В 1954 году Сергей Смирнов в составе делегации московских писателей приезжает в Сухуми на празднование 80-летия со дня рождения патриарха абхазской литературы Дмитрия Гулиа. «Еще в поезде, — отмечает Сергей Смирнов, — сочинили мы поздравительное стихотворение — «Что такое 80 лет», расписались под ним, а потом торжественно вручили его юбиляру. Нас поразило Дмитрий Гулиа своей статностью, радушием и, в то же время каким-то особенным, орлиным, что ли, горским достоинством, которое дается огромной жизнью, душевным огнем и конечно же высокими итогами творческого труда, ставшего достоянием всего советского народа. И мы любовались им, восьмидесятилетним старейшиной нашей поэзии. Все сердца и мысли были обращены к нему. Перед нами был не старец, а именно старейшина... Все присутствующие улыбались друг другу и все вместе адресовали сноп улыбки поэтическому патриарху Дмитрию Гулиа. Казалось, что он неподвластен гнету лет и десятилетий, что жить и творить ему до окончания нынешнего века, и на радость людям, перейти впоследствии в следующий век, и здравствовать в нем, как поэт и старейшина поэтов. Всем известно, что Абхазия— это земля самых редкостных долгожителей..

И наконец мое третье свидание с Абхазией. Осень 1979 года. Я по творческой путевке еду на юг. Поезд

---

*1 Мигунов А. Сергей Смирнов. Критико-биографический очерк о С. В. Смирнове. М., 1970, с. 27.*

97

всю дорогу мчался сквозь осень и как бы старался убежать от нее, а в Гагры прибыл ранним утром, еще затемно. Расторопный абхазец-таксист усаживает меня в машину и марш вперед, навстречу рассвету. На фоне заревого неба мелькают силуэты домов и деревьев. И вдруг впереди стеной встает синее, синее море. Здравствуй, Черное море! — воскликнул я не вслух, а всем своим существом. Здравствуй, мое и наше, Черное море! Ведь ты же родина моя! Ведь я же родился на твоём берегу, в благодатном городе Ялта.

Машина с необычной, по московским нормам, скоростью примчала меня к широкоплечему дому-дворцу, чье многоэтажное пламенело от раннеутренней зари. Я вошел в здание и первым, кто встретил меня в вестибюле, был длинноусый и мудроглазый Дмитрий Гулиа. Он смотрел с огромного портрета на приехавшего и всем своим видом выражал памятное мне: «Добро пожаловать!..». Как беспощадно, как быстро мчится время. Как все меняется. Если в прошлый визит я был гостем в доме поэта, то теперь я стал гостем дома творчества имени Гулиа. Сколько чувств, сколько раздумий нахлынуло сразу...

На втором этаже, обращенном одновременно к морю и полукружью гор, обрел я в этом именно поэтическом доме просторную комнату со всеми современными удобствами и с первого же утра встретил с балкона восход солнца.

Именно здесь мне пришла задумка написать букет лирических стихов под общим названием «Один на один». А замысел полонил воображение: один на один с морем, один на один с землей Апсны, обнимающей мое Черное море, один на



один с собственными раздумьями о жизни, со своим возрастом и жизнью. Нет, над таким замыслом следует поработать с полной отдачей сил...

И я начисто отмежевался от ленивого времяпровождения на пляжном лежбище, от бесцельного разгуливания по живописным окрестностям, от интересных коллективных экскурсий, старательно запланированных для приезжающих сюда гостей, отказался даже от посещения чуть ли не ежевечерних киносеансов, и, видимо, потерял много ценного из-за такого решения. Но мы оста-

98

лись с морем и землей Апсны один на один и стали работать, и нам, кажется, успешно работалось.

А в заключение еще одна немаловажная деталь. Мне по состоянию здоровья противопоказаны сладости. Но как удержаться от того, чтобы не отведать налитых гроздей местного винограда, полных сока и аромата даров сада; как пройти мимо целебного абхазского меда, когда на своем этаже, я сквозь могучий гул моря как бы слышал кропотливое гуденье каждой пчелы, мыслимо ли отказаться от веселящей хмелинки абхазского вина, или от бодрящего настоя здешнего чая. Весь этот букет щедрости Апсны восхищал меня и я в минуты отдыха отдавал ему заслуженную дань. И — опять за работу. Здесь так плодотворно работается, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Спасибо тебе, Абхазия, за бескорыстное соавторство. Мы вдосталь набеседовались с морем, впереди духовное собеседование с сушей, с твоей несказанной красотой, с твоими людьми.

Итак — продолжение следует!».

99

## **МИХАИЛ ДУДИН**

В Гаграх, в Доме творчества писателей с 1949 года много раз останавливался один из видных советских писателей, Герой Социалистического Труда Михаил Дудин. Здесь ленинградский поэт не только отдыхает, но и размышляет над новыми стихами. На одном из традиционных литературных вечеров Дома творчества Михаил Дудин, «переживший тяжелое время блокады в городе на Неве, поделился своими размышлениями о роли человека в современном мире, об отношении поэта к окружающему миру в стихотворениях «Напутствие», «Праздник», «Повторение признания» (1) и других.

В апреле нынешнего года мне довелось встретиться в Ленинграде с Михаилом Дудиным. И на мой традиционный вопрос об отношении писателя к нашему краю, он выразил следующими словами: «Абхазия — это не только солнце и синие теплые волны Черного моря, набегающие на гальку прибрежной полосы и зеленые гребни гор, замыкающие горизонт. Абхазия — это древняя, древняя земля, приютившая человека, и в благодарность за этот приют возвеличенная и облагороженная трудом человека. Персики и виноград, хурма и айва, мандарины и яблоки, розы и пальмы, эвкалипты и пинии, самшит и чайные плантации. Это не только поэзия и наслаждение для души и глаза, это, прежде всего, заботливое

искусство по-матерински ласковых рук, взлелеявших эту благословенную землю, перебравши ее по

---

1 "Советская Абхазия", 1970, 11 ноября.

100

ключку и камешку. Этот труд воистину достоин восхищения и благодарности. Он учит вечной и первостепенной любви человека к праматери своей земли. Он сделал этот мир прекрасным. Он возвеличил этот мир и самого человека. Этот мир излучает радость и учит спокойной мудрости жизни. Он гостеприимен, этот мир, как душа хозяев этого мира, и я благодарен ему всей признательностью своего перед ним удивления».

101

**Вианор Панцѡа-ица Цачлиа**

Ацсны аурыс шѡкуѡѡцѡа

Урысшѡала

**Вианор Панджович Пачулиа**

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В АБХАЗИИ

Редактор А. Я. Беселия

Художник Е. Н. Сукач

Художественный редактор П. Г. Цквитария

Технический редактор С. А. Гордезиани

Корректоры А. А. Мхитарян, Ж. И. Гублиа

Выпускающий Т. С. Ашхараа

ЭИ01522. Сдано в произв. 4. VIII.1980 г. Подп. к печ. 3.IX.1980 г.

Тип. бумага № 1, ф. 84x108 1/32. Печ. лист. 5,46. Уч.-изд. л. 4,83.

Заказ № 8200. Тираж 2500. Цена 15 к.

Издательство "Алашара", Сухуми, Ленина, 9.

Сухумская типография им. Ленина Госкомитета Совета Министров Груз. ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Сухуми, ул. Ленина, 6.

---

(OCR — Абхазская интернет-библиотека, <http://apsnyteka.org/>.)